
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 13 МАРТ 1980

Владимир Харченко, фрезеровщик, секретарь партбюро цеха: «...Сочетать трудовое, политическое и нравственное воспитание».

ПО ЗАВЕТ ИЛ

РЕПОРТАЖ С ЛЕНИНСКОГО ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ

Первый секретарь Житомирского обкома КП Украины В. М. Кавун после собрания беседует с рабочими завода.

Сборочный цех завода.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (2750)

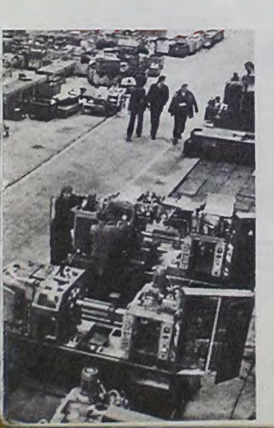
22 МАРТА 1980

В зале собрания.

АМ
ЬИЧА

Валентина Нонник, токарь-наставник: «...Отдавать молодежи не только свой опыт, умение, но и заботиться о ней».

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

— Нас объединяет не только желание, готовность делать хорошие станки, но и строить свою жизнь, свой коллектив, в котором приятно было бы жить и работать. В этом мы видим достойное выполнение ленинских заветов.

Так говорил с трибуны бригадир фрезеровщиков Александр Дидковский.

— Нам одинаково нужны и кузнечно-штамповочный цех и Дом культуры. Создавать коллектив, который успешно продвигался бы вперед, находясь на переднем крае технического прогресса,— дело сложное, хлопотное. Тут важны и техническая учеба и постоянное обеспечение фронта работ, чтобы люди, как принято выражаться, не размагничивались. Но не менее важно позаботиться о хороших условиях труда и быта, досуга, привлечь молодежь к занятиям спортом, самодеятельным искусством.

Так говорил главный инженер завода Михаил Иванович Лещенко.

— Каждый год мы принимаем две тысячи новых рабочих, а тысяча человек уходит. Это приводит к огромным потерям. Поэтому коммунисты, передовые рабочие должны отдавать молодежи не только свой опыт, умение, но и заботиться о ней, проявлять дружеское внимание. Я три года работаю на станках-автоматах, но уже выполнила свое пятилетнее задание. Вместо одного станка обслуживаю два. Но больше всего горжусь тем, что рядом трудятся девчонки, которых я обучаю. Они полюбили наш цех, свою работу, вкладывают в нее всю душу, перевыполняя сменные задания.

Так говорила Валя Нонник, токарь автоматного участка, заместитель председателя совета наставников.

Заинтересованный, содержательный разговор шел на Житомирском заводе станков-автоматов, на открытом партийном собрании, посвященном 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Речь шла о том, как жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически. С докладом выступил член ЦК КПСС, первый секретарь Житомирского обкома партии Василий Михайлович Кавун. В деловом, по-житейски мудром выступлении он не скрывал трудностей, недостатков в работе не только заводской, но и городской, областной партийных организаций. Напомнил, что при строительстве завода были допущены серьезные просчеты, когда все усилия сводились к тому, чтобы быстрее получить первые, столь необходимые народному хозяйству станки. В результате предприятие оказалось без многих вспомогательных производств, без необходимых социально-культурных учреждений, достаточного жилого фонда.

И тут же докладчик призывал заводских коммунистов не прятаться за «объективные» причины. Он четко разделил задачи на те, для решения которых требуется помощь об-

ластных организаций или республиканских, союзных, и те, которые могут и должны быть решены силами коллектива. А таких большинство. Самокритичный, деловой тон доклада был горячо поддержан собранием...

Завод заканчивает свою первую пятилетку. Он специализируется на выпуске многошпиндельных токарных автоматов и автоматических линий, столь необходимых для технического перевооружения нашей промышленности.

Средний возраст работающих тут 25—26 лет. Многие начальники цехов и их заместители лишь недавно окончили институты. Молодой коллектив сразу же столкнулся с непредвиденными заботами. Вначале планировалось, например, что литые, штампованные, кованые, сварные заготовки и некоторые узлы будут поступать сюда с других предприятий. А практически все оказалось сложнее. Пришлось самим срочно налаживать выпуск отдельных заготовок и узлов, перекомпоновывать станочные линии, перемещать оборудование, создавать новые цеха. И все это в процессе освоения проектных мощностей.

За это время на заводе появилось много эффективных технических новшеств. Его работники связаны с четырнадцатью научно-исследовательскими центрами. В сотрудничестве с учеными Института имени Е. О. Патона налажено получение точных отливок методом электрошлакового переплава. Недавно внедрен новый процесс повышения прочности деталей, что позволило значительно поднять качество деталей, резко сократить время их обработки и экономить в год около миллиона киловатт-часов электроэнергии.

Рассказывая обо всем этом, участники ленинского собрания подчеркивали: «Есть у нас силы, есть резервы!» Право же, приятно было слышать, как еще молодой человек, фрезеровщик, секретарь цеховой парторганизации Владимир Харченко говорил:

— Мы должны воспитывать молодежь, вести ее за собой, передавать ей свой опыт, знания, сочетать трудовое, политическое и нравственное воспитание. И здесь трудно переоценить роль наставников. Лучшие их ученики стали коммунистами, вошли в семью кадровых рабочих коллектива.

На собрании подчеркивалось: ленинская идея коллективизма воплощается в жизнь. И с трибуны и после собрания много было высказано соображений о создании бригад, работающих по единому наряду.

— Когда Саша Дидковский был на сдельщине, он ко мне не подходил,— рассказывал главный инженер М. И. Лещенко.—А когда создал бригаду, работающую по единому наряду,— всегда у него есть ко мне дело. То надо станок передвинуть в другой конец цеха, чтобы зря не таскать детали, то упорядочить труд слесарей. Заботясь о своих подопечных, он подмечает многое такое, чего сверху не увидишь. Его советы помогают проникнуть в самую суть внутрицеховых связей.

— Если встречаться только возле станка, то никакого коллектива не будет. Нужна дружба, нужны личные симпатии, общие интересы...— пояснял уже после собрания Александр Дидковский.— В нашей бригаде из восьми человек пять моих учеников. В том числе и мой младший брат, Николай. Ребята живут в общежитии. Я их часто приглашаю к себе домой. А то едем вместе на стадион, участвуем в межцеховых состязаниях. В общем, использую любую возможность, чтобы коллектив наш оставался дружным и в свободное время. Единой семье не страшны трудности...

В тот день Василий Михайлович Кавун вручил почетные ленинские грамоты лучшим из тех, кто уже выполнил личные задания пятилетки. Среди них были братья Дидковские — Александр и Николай.

На собрании много говорили о становлении личности, формировании чувства рабочей гордости, ответственности за бригаду, цех, завод. Шел откровенный разговор о весомых завоеваниях и досадных потерях. Говорили горячо, страстно. И за этой горячностью четко виделось — коллектив уже есть! На заводе создан прочный костяк передовых рабочих, коммунистов и комсомольцев, которые берут на себя решение наиболее сложных задач, показывают пример, как надо работать, жить и бороться по-ленински, по-коммунистически.

ТРУДОВАЯ ПОБЕДА АЗЕРБАЙДЖАНА

Праздник пришел на весеннюю землю Советского Азербайджана: за большие успехи в развитии народного хозяйства, за досрочное выполнение заданий десятой пятилетки по производству продукции промышленности и сельского хозяйства республика награждена орденом Ленина.

Народному торжеству предшествовал упорный труд. Руководители республики — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. Алиев, Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР К. Халилов, Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР А. Ибрагимов — сообщают Центральному Комитету КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу, какую огромную работу проделали трудящиеся Азербайджана, чтобы добиться этой победы.

Широко развернув социалистическое соревнование за достойную встречу 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, 60-летия Азербайджанской ССР и Компартии Азербайджана, труженики города и деревни успешно осуществляют Государственный план экономического и социального развития республики на десятую пятилетку.

Поздравляя республику с большой трудовой победой, товарищ Леонид Ильич Брежнев пишет:

«Высокие результаты, достигнутые трудящимися Азербайджана в решении поставленных партией задач по ускорению темпов развития промышленного и сельскохозяйственного производства, повышению его эффективности и качества, являются итогом самоотверженного творческого труда коллективов предприятий и организаций, колхозов и совхозов, целеустремленной организаторской и политической работы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций.

Центральный Комитет КПСС выражает твердую уверенность в том, что рабочие, колхозники, инженерно-технические работники и служащие, ученые и специалисты Азербайджана не остановятся на достигнутом, ударным коммунистическим трудом обеспечат выполнение социалистических обязательств на 1980 год, достойно встретят 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина и предстоящий XXVI съезд КПСС».

На Новобакинском нефтеперерабатывающем заводе имени Владимира Ильича смена, возглавляемая коммунистом Сахатом Зейналовым, неоднократно занимала призовые места в социалистическом соревновании в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. На этот раз от имени своих товарищей переходящее Красное знамя принимает лучший оператор Рамиз Залов.

Фото О. ЛИТВИНА (ТАСС)

Во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

18 марта в Кремле начались переговоры с прибывшей в СССР с официальным дружественным визитом правительственно-партийной делегацией Республики Никарагуа. В переговорах участвовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко; с никарагуанской стороны — член Руководящего совета правительства национального возрождения Моисес Хассан, члены национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) министр внутренних дел Томас Борхе, министр планирования Генри Руис, министр обороны Умберто Ортега.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной и сердечной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-никарагуанских отношений. Стороны с удовлетворением отметили развитие сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Никарагуа за время, прошедшее после установления народной власти. Было выражено стремление продолжать усилия по дальнейшему укреплению взаимовыгодных связей в торговой, экономической, культурной и других сферах, основываясь на строгом соблюдении принципов равноправия, суверенитета, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела друг друга.

При обсуждении актуальных международных проблем стороны высказались за необходимость усиления борьбы за прекращение гонки вооружений, углубление разрядки международной напряженности и распространение ее на все районы мира. Была подчеркнута важность дальнейшего укрепления сплоченности и единства действий всех прогрессивных сил в борьбе в защиту мира и международной безопасности, сближение и взаимопонимание между народами.

СЛАВНЫЙ СЫН АРМЕНИИ

Всей своей жизнью подтвердил Мартирос Сарьян верность сказанным им однажды словам: «Художник должен быть предан великим идеалам служения народу, должен стать душой и сердцем народным».

Как большой праздник многонациональной советской культуры отмечается в нашей стране 100-летие со дня рождения М. С. Сарьяна. Знаменательной дате было посвящено торжественное заседание, состоявшееся в Большом театре Союза ССР.

На торжественном заседании присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, М. В. Зимянин. Вместе с ними находился первый секретарь ЦК КП Армении К. С. Демирчян.

Заседание открыл председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев. Выступивший с докладом секретарь ЦК КП Армении К. Л. Даллакян отметил, что вся жизнь великого художника была пронизана мечтой о счастье трудового народа. Как истинный патриот Страны Советов, он жил теми проблемами, которые волновали его страну, его народ.

О всенародной популярности творчества М. С. Сарьяна говорили на заседании действительные члены Академии художеств СССР А. М. Грицай (Москва), И. А. Заринь (Рига).

Все краски Армении предстали перед зрителями на выставке произведений Мартироса Сарьяна. Экспозиция, приуроченная к 100-летию со дня рождения мастера, открылась в Академии художеств СССР.

На снимке: торжественное заседание в Большом театре Союза ССР.

Фото Р. ДЕНИСОВА (ТАСС)

СТРОИТСЯ «ЛЕНИНСКАЯ»...

Памятный знак, установленный в честь начала работ на горьковском Метрострое.

Все явственнее проступает облик станции «Ленинская».

Фото В. Бородина

Заметно изменился облик одной из главных улиц города Горького — проспекта имени Ленина: перегородили ее зеленые заборы с красной буквой «М», поднялись хорошо и давно знакомые москвичам и жителям других городов, имеющих метро, силуэты шахтных копров...

В Горьком, этом старинном русском городе, третьем в республике после Москвы и Ленинграда по численности населения, строится метро. Первая его линия, протяженном около десяти километров, соединит Московский вокзал с самым густонаселенным районом — Автозаводским. Здесь будет восемь станций: «Московская», «Чкаловская», «Ленинская», «Заречная», «Двигатель революции», «Пролетарская», «Северная», «Комсомольская».

— Трасса этой линии проходит в основном под проспектом имени Ленина и сравнительно неглубокого залегания,— рассказал старший маркшейдер С. Д. Колесников. Он строил дорогу Абакан — Тайшет и ташкентское метро, однако с такими сложными геологическими условиями: пески с прослойками глин, плывуны, на всем протяжении сильное обводнение — встречается впервые. Для откачки воды здесь приходится через каждые 25—30 метров бурить скважины.

Тем не менее метростроители, съехавшиеся сюда из разных мест, успешно преодолевают все трудности,— за их плечами великолепная школа, пройденная в Ташкенте и Ставропольском крае при сооружении тоннеля для оросительной системы. В дни соревнования в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина впереди — участок № 7, ведущий работы на станции «Ленинская». Архитектурно она задумана необычно, с ребристым сводом, без колонн.

Горьковчане овладели механической подвижной опалубкой и впервые в практике метростроения применили в условиях песчаных грунтов прогрессивный способ так называемой обжатой обделки пресс-бетоном. Специальное оборудование для ведения таких работ поступает из Донецкой области.

Горький — десятый по счету в стране город, который получит подземную электрическую дорогу. Одиннадцатым метрополитеном станет новосибирский.

Г. ВЛАДИМИРОВА

ОНИ ГОТОВЯТСЯ К ОЛИМПИАДЕ

Каждый день во Дворец культуры имени Горького в Москве спешат дети и взрослые. Мир музыки, красоты, добра, человечности открывают перед ними музыкально-хоровая студия «Данко», студии спортивного и народного танца, русский народный хор.

«Данко» существует десятый год. Сто двадцать ребят от пяти до шестнадцати лет занимаются здесь.

— Приобщить ребят к музыке, научить их понимать ее и любить — вот наша задача, — рассказывает руководитель студии М. И. Махлис, выпускница Московской консерватории.— Самые младшие наши студийцы знакомятся с основами музыкальной грамоты, но эти занятия носят характер игры. Ребята постарше — эти уже идут дальше. Они изучают сольфеджио, знакомятся с произведениями больших композиторов, их жизнью и эпохой. Но больше всего им нравится, что они поют в хоре и сами играют на музыкальных инструментах, причем выбирают их по вкусу: фортепьяно, баян, аккордеон... Учим мы детей по несколько измененной программе музыкальной школы, а экзамены они сдают обязательно. Заниматься приходится серьезно: ведь не на одно и не на два занятия, а пять раз в неделю приходят студийцы во Дворец культуры! И, конечно, приучаются трудиться по-настоящему. А музыка и песня одухотворяют этот труд, создают особый, добрый мир, воздействуя на юные сердца. Без нравственного воспитания, мы считаем, невозможно полноценное развитие ребенка.

В репертуаре хора произведения Баха, Моцарта, Чайковского, современных советских композиторов, пионерские песни и песни о войне... В студии сложилась хорошая традиция: ко Дню Победы обязательно готовит концерт.

...Звучит песня А. Пахмутовой «Малая земля». Вместе с музыкально-хоровой студией «Данко» ее поет инженер Борис Зырянов, заслуженный работник культуры РСФСР. С этим же талантливым солистом хор готовит песню А. Новикова «Дороги».

Ребята живут интересно: выступают в Доме союзов, во Дворце пионеров, в зале Института имени Гнесиных, да и сами часто бывают в концертных залах Москвы.

Дипломы, почетные грамоты имеют все коллективы Дворца культуры. Многие получили звание народных, в том числе и студия спортивного танца. Руководитель коллектива «танцующей гимнастики» — так доброжелательно называют здесь спортивный танец, — заслуженный тренер РСФСР Борис Михайлович Собинов. Он автор двух книг о спортивном танце, за плечами у него большая и содержательная трудовая жизнь. Мальчишкой, еще в двадцатом, вступил в комсомол, был чоновцем, работал в продотряде. Потом окончил два института: медицинский и физической культуры, это очень помогает ему в теперешней работе. Он настоящий артист. Его уроки художественной гимнастики любят все участники коллектива.

Борис Михайлович создал с ребятами несколько программ: «А у нас во дворе», «Эх, хорошо в стране Советской жить», «Горн, костер»... Сейчас студия спортивного танца работает над «Олимпийской сюитой».

Мы заинтересовались: спортивный танец — что же это такое? Посмотрели и выяснили: это реальное спортивное действие, органически соединенное с хореографией. Основу здесь составляет художественная гимнастика, игра с самыми различными предметами: тут мячи, шарфы, обручи, ленты, легко и изящно меняющие форму, очерчивая рисунок упражнения. Но в то же время это танец. Искусство танца... Пришедшие в студию ребята, овладевая элементами гимнастики и акробатики, учатся слушать и понимать, чувствовать музыку и откликаться на нее. Есть в танце даже элементы классического балета, поэтому так старательно изучают каждую позицию, подолгу работают у станка.

Впрочем, и в этой студии тоже убеждены, что художественное воспитание — прежде всего воспитание человека.

— Выше голову! Смотрим вперед!.. — Идет урок в подготовительной группе студии народного танца. Занимается с новичками артистка Л. А. Кудрявцева, ранее танцевавшая в ансамбле Игоря Моисеева. Студия, существующая пятнадцатый год, и сейчас остается как бы спутником знаменитого моисеевского ансамбля. Заслуженные артисты республики, бывшие моисеевцы Б. В. Петров, Н. А. Данилов, тоже работают сегодня в студии... А в то же время шестьдесят студийцев ушли на сцену, стали профессиональными артистами.

Сейчас в репертуаре тридцать танцев народов Советского Союза и зарубежных. Где только не побывали студийцы со своими программами! Они выступали в Венгрии, Вьетнаме, Лаосе, Чехословакии, ФРГ... Газеты писали в Дании, что русские возродили к жизни датский танец!.. И везде танцоры получают награды, призы. В Финляндии они завоевали большой приз, на конкурсе в ГДР им была вручена золотая медаль.

— Сейчас готовимся к Олимпиаде-80, — говорит художественный руководитель студии Б. В. Петров. — Мы приглашены участвовать в танце, открывающем Олимпиаду. Да и все коллективы Дворца культуры готовят к этим дням специальные программы.

Н. ШИБАЛКОВА

И пусть наши недруги помнят уроки истории. Пусть они знают, что единство советских людей проявляется с особой силой именно тогда, когда с нами пытаются разговаривать на языке угроз.

Л. И. БРЕЖНЕВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР Бор. ЕФИМОВА

Бандиты и их ЦРУководители.

Новый «элемент» конькобежного спорта.

ВЫБОРЫ И ВЫБОР

Владимир **НИКОЛАЕВ**

В начале ноября этого года состоятся очередные выборы президента США. По традиции за Белый дом борются две буржуазные партии — демократическая и республиканская. На старт президентских «гонок» вышло несколько кандидатов от обеих партий, но в ходе «праймериз» (первичных выборов) в разных штатах часть из них уже отсеялась. У демократов пока впереди идет нынешний президент США Дж. Картер, у республиканцев — Р. Рейган, бывший губернатор Калифорнии. Соперником Картера среди демократических претендентов на Белый дом является Э. Кеннеди, у Рейгана конкурентов больше.

Все, что делают и провозглашают сегодня стоящие у власти демократы и их оппоненты — республиканцы, связано с предстоящими президентскими выборами в ноябре. Сплошь и рядом сиюминутные решения в интересах предвыборной борьбы ставятся выше соображений, реально связанных с национальными интересами США или логично вытекающих из сложившейся международной обстановки.

К началу избирательной кампании администрация демократов подошла с сильно подмоченной репутацией. За три года своего правления она не смогла приостановить инфляцию, цены и налоги безудержно растут, бюджет сбалансировать не удалось, не решена энергетическая проблема, увеличиваются военные расходы, и, наконец, сохраняется на высоком уровне безработица. Ко всему прочему несколько сотрудников Картера оказались замешанными в финансовых махинациях, а группа конгрессменов-демократов попалась на взяточничестве. В сфере внешней политики нынешняя администрация показала свою неспособность следовать разрядке. Провалилась широко разрекламированная кампания по «защите прав человека», обнажив перед всем миром лицемерие ее организаторов.

В середине прошлого года опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллапа, показал, что только 24 процента избирателей-демократов поддерживали кандидатуру Картера, а 62 процента хотели бы иметь в качестве президента в Белом доме сенатора Кеннеди.

Демократы не могли не реагировать на создавшуюся ситуацию и сделали это весьма своеобразно, пустив в ход давно заигранные карты времен «холодной войны». Неистовым шумом о «советской угрозе» они решили запугать американцев и тем самым отвлечь их от действительно стоящих перед страной нелегких проблем. Среди предпринятых ради этой цели кампаний последней стала провокационная шумиха вокруг так называемого «афганского кризиса», в создании которого Соединенные Штаты якобы не виноваты. Американский историк А. Шлезингер отмечает: «Афганский кризис был необходим администрации. Внимание с заложников в Тегеране могло переключиться на реальные проблемы страны. Новый кризис дает ей возможность продлить на некоторое время состояние «чрезвычайного положения» и демагогически использовать его в своих интересах во время первичных выборов, отказываясь от дебатов по важным внутренним вопросам».

Выступая в Вашингтоне несколько дней назад, бывший президент США Дж. Форд заявил, что «экономическая программа президента Дж. Картера была катастрофической», политика в области энергетики — «неудачной и неэффективной», а его внешняя политика «полна противоречий и опасна». Форд сказал, что нынешнее американское правительство действует как поджигатель, который затем потребует, чтобы его поздравляли за то, что он потушил огонь. Еще одним доказательством двуличия внешней политики Белого дома явился недавний скандал в связи с голосованием в ООН по вопросу об отношении к созданию Израилем новых поселений на оккупированных арабских территориях. США сначала поддержали резолюцию с осуждением Израиля, а затем под давлением произраильских сил в США отреклись от своей позиции. Сам Картер лично покаялся в «искренней ошибке» перед группой представителей муниципальных властей Нью-Йорка, где скоро предстоят первичные выборы и где американские сионисты особенно влиятельны. Так грядущие президентские выборы еще раз наложили свой отпечаток на политику Белого дома.

Судорожно пытаясь решить экономические проблемы, стоящие перед страной, Картер на днях объявил программу мер по борьбе с инфляцией. Это уже его четвертая такая программа. Первые три результатов не дали. Картеру пришлось признать, что сейчас темпы инфляции в США составляют в годовом исчислении почти двадцать процентов. По поводу предложенных мер сенатор Э. Кеннеди сказал, что они являются «слишком запоздалыми и слабыми», к тому же, добавил он, администрация возлагает «основное бремя этих мер на наиболее обездоленные слои общества».

Как у демократов, так и у республиканцев в ходе избирательной кампании цель ясна — захватить Белый дом на очередные четыре года. Но оправдывает ли эта цель любые средства? Тот факт, что обе партии как бы соревнуются между собой в раздувании антисоветской истерии и нагнетании международной напряженности, не может не настораживать. Ведь «гонка» с финишем в Белом доме — это не только выборы президента, но и выбор политики.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

АНГЛИЯ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ-ВОРЫ

Всего в нескольких милях к северу от Лондона, в графстве Хартфордшир, сотрудники местной уголовной полиции денно и нощно допрашивали крупных преступников, которые в обмен на обещание о значительном смягчении наказания согласились выдать бывших своих коллег.

Из страха перед разоблачениями преступный мир назначил премии за головы этих «шептунов», которых укрыли, ради их же безопасности, в тайнике возле Лондона, где их поэтому допрашивали не лондонские, а провинциальные полицейские. Те узнали поразительные вещи: «шептуны» назвали имена, даты, цифры, показавшие, что десятки лондонских полицейских виновны в уголовных преступлениях — от взяток до причастности к тяжким преступлениям. Пораженные местные полицейские обратились в генеральную инспекцию полиции, решившую назначить расследование обвинений по адресу лондонских коллег. Выяснилось, что они участвовали в планировании грабежей; наводили преступников на перспективные объекты для грабежа и заботились о том, чтобы там поблизости не было полицейских машин; вновь перепродавали преступному миру конфискованное у уголовников оружие; прикрывали преступников, находившихся в дружественных отношениях с полицией. За все эти услуги продажные полицейские получали взятки.

На снимке: вот за таким фасадом процветает коррупция.

ЮАР

СЛЕДЫ ВЕДУТ В США

Когда в ноябре 1978 года президента США Картера спросили, что он думает о незаконных поставках оружия в ЮАР американской фирмой «Спейс рисерч корпорейшн», он ответил, что ничего об этом не знает, но займется этим вопросом. «Если это так,— сказал он журналистам в Белом доме,— это было бы нарушением честного слова всех стран, которые проголосовали в ООН за эмбарго на поставки оружия ЮАР».

Как же обстоит дело сейчас? А ничего не изменилось, разве что размеры сделок увеличились и орудия смерти все в больших размерах тайно провозятся в страну апартеида. Би-Би-Си и газета «Вашингтон пост» подтвердили, что американское оружие на миллионы долларов поставляется в ЮАР. Это и минометы, и бронетранспортеры, и снаряды, и вертолеты...

Как писал американский журнал «Нейшн», правительство Претории сумело приобрести весь американский «комплекс» транспортных средств, средств связи и наблюдения, который дал ему гораздо большую возможность для переброски на дальние расстояния диверсионно-десантных групп и операций против соседних африканских государств.

Ну, а как же дела с фирмой «Спейс рисерч корпорейшн»? Она как продавала артиллерийские снаряды расистскому режиму, так и продолжает это делать при явном попустительстве со стороны американского правительства.

Стало известно, что южноафриканское министерство информации тайно ассигновало средства на то, чтобы «подмазывать» американцев и других представителей Запада, дабы те защищали режим апартеида. С каждым днем в печати появляются все новые факты нарушения Соединенными Штатами введенного ООН эмбарго на поставку оружия в ЮАР.

Что это доказывает? — задается вопросом парижский журнал «Африк-Азн». В лучшем случае то, что Вашингтон не хочет принимать необходимых мер для соблюдения эмбарго, а в худшем, что американское правительство проводит тайную политику, рассчитанную на то, чтобы спасти правительство Претории от всевозрастающего пожара освободительной борьбы против апартеида.

На снимке: вооруженные до зубов солдаты южноафриканских расистов обсуждают план очередной карательной операции.

По материалам зарубежной прессы.

США

ПОГРЯЗШИЕ В КОРРУПЦИИ

Этот дом, мало чем отличающийся от других в этом районе, теперь приобрел в Америке печальную известность как место беспардонного подкупа должностных лиц. Скандал со взятками на сотни тысяч долларов вызвал в США шоковое потрясение. Восемь членов конгресса, законодатели, отцы Америки, поддались на удочку агентов ФБР, которые выдавали себя за богатых арабских шейхов, и попались с поличным. Встречи происходили в фешенебельных отелях, в дорогих ресторанах, на яхте у побережья Флориды и в богатом вашингтонском районе Фоксхолл-роуд в специально снятом для этого доме, оснащенном скрытыми камерами и записывающими устройствами.

За какие же услуги брались взятки? Имелись в виду разного рода услуги — от получения разрешения на открытие казино до проталкивания законодательных мер. Сенатор Уильямс, самое высокопоставленное должностное лицо, замешанное в этом деле, принял в качестве взятки пакет акций на титановый рудник в обмен на обещание использовать свое влияние для получения правительственных заказов на продукцию этого рудника.

События, разыгравшиеся в начале февраля, считает журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», являются всего лишь первым действием в очередном политическом скандале в Вашингтоне. Им завершилось десятилетие, на протяжении которого двум с лишним десяткам сенаторов и членов палаты представителей были предъявлены обвинения в уголовных преступлениях, а в отношении примерно полдюжины конгресс принял дисциплинарные меры за недостойное поведение.

Наблюдается стремление замять скандал, ибо он в конечном счете «может нанести удар всем нам», как предсказал один из лидеров республиканцев в палате представителей, Роберт Майкл.

ИТАЛИЯ

ДЕТИ В РАБСТВЕ

«Если бы в один прекрасный день все дети Неаполя решили бросить работу, то такого удара местная промышленность не перенесла бы» — так заявила одна итальянская журналистка, нисколько не сгущая краски. Маленькие труженики Неаполя в поте лица своего добывают хлеб насущный, нередко для всей семьи, ибо родители зачастую безработные (в Неаполе трудится гораздо больше детей, чем отцов).

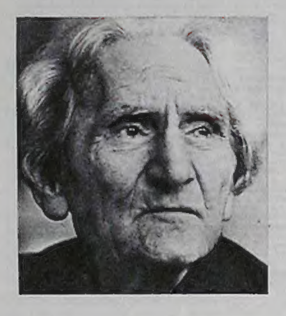
В городе, где преобладает сфера услуг и торговли, хозяева предпочитают нанимать детей (мальчиков на побегушках в барах и ресторанах, в мясных лавках, в колбасных). Кроме того, в Неаполе все более широкие масштабы принимает закулисная экономика, труд в самых нездоровых и плохо освещенных помещениях, где размещаются мастерские по производству искусственных цветов, перчаток, сумок. Предпринимателям выгодно нанимать детей: их рабочий день длится до десяти часов. Почти все они работают по субботам и праздничным дням, кроме рождества и Нового года. У них не бывает отпусков. Горе тому, кто проболеет больше трех или четырех дней,— хозяин тут же наймет вместо него другого ребенка.

Власти проявляют полное равнодушие. Все ссылаются на невозможность справиться с этим явлением из-за его широких масштабов. Ничего не делает также инспекция по труду, которая должна была бы осуществлять контроль над мастерскими и предприятиями. Что они говорят в свое оправдание? Детей уволить нельзя: это повлекло бы за собой серьезный кризис на фабриках и в семьях.

На снимке: маленькие кельнеры Неаполя.

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Исполнилось сто лет со дня рождения народного художника СССР, действительного члена Академии художеств, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Мартироса Сергеевича Сарьяна. В ярких, самобытных полотнах этого мастера живет родная ему Армения, ее народ, которому он посвятил весь свой талант и труд.

Увидев однажды его работы, вы всегда их узнаете: «Это Сарьян». Приезжая в страну древнего Айастана, начинаете все вокруг видеть его глазами: «Как на полотнах Сарьяна...»

Мудрым взглядом творца, нежным сыновьим сердцем, ясным разумом, всей страстью своей натуры он постиг душу родной земли. И заставил нас полюбить ее горячие краски, выжженные солнцем каменистые горные склоны — оранжевые или желто-розовые в его палитре, седые вершины в лиловых, а то и густо-синих тенях, сочную зелень плодородных садов.

Он показал нам гармонию мироздания, широту и бесконечность жизни. Так воспринимал мир этот большой художник, смотревший в будущее с радостной уверенностью, светло и просто.

Столь же проницателен он и в созданных им портретах. С уважением, напряженным проникновением Мартирос Сергеевич писал своих современников — ученых, художников, артистов, создав образы людей, сильных своей творческой одаренностью.

«Живопись и живописцы,— говорил Сарьян,— земные создания. Попытка уйти от реальности, продолжить поиск в какой-то иной сфере, или, как говорят математики, в другой системе координат, приводит живописцев к символизму, абстракционизму и в конечном счете к пессимизму. А между тем нам, художникам, нельзя не быть оптимистами. Художник — певец жизни, а жизнь отрицает зло. Долг художника — пропагандировать любовь к природе, к человеку, к труду».

Мы публикуем страницы книги «Из моей жизни», написанной живописцем. В ней рассказывается о впечатлениях детства, годах ученичества, первой половине жизненного и творческого пути.

Мартирос САРЬЯН

...Мысли мои погружаются в далекое прошлое, уносят меня к годам раннего детства, к тем отрадным временам, когда предо мной раскрылся мир со всеми своими чудесами. И это никогда не утомляет, это очень большое, великое утешение... Жизнь ребенка — это сказка. Все окружающее интересует и изумляет его. Переживания детства оставляют неизгладимый след во всей жизни человека. В приазовской степи, близ заросшей камышом речки Самбек, на невысоком холме отец мой вырыл колодец, построил домик из необожженного кирпича и покрыл его камышом. Наша большая семья жила в нем, как во дворце... Было мне года три-четыре, был я счастлив и беззаботен. Для детской беготни места сколько хочешь. Поблизости никакого жилья. Вокруг горизонт и прекрасная в своей пустынности и строгости бескрайняя степь. Вдали, на холмах, вырисовываются силуэты двух ветряных мельниц; одна на юго-западе в русском селе Ставрине, другая на северо-востоке в украинских Кузьминках. А сколько их было в армянском селе Чалтыры!..

1891 год был годом страшных бедствий — свирепствовала холера. На нашу семью тоже свалилась беда — серьезно заболел отец. Долгая болезнь совсем изнурила его. Настала страдная пора. Нужно было торопиться, чтобы до осенних дождей скосить траву, убрать и обмолотить хлеб. Потом предстояло вспахать землю для посева озимых и под зябь. Несмотря на перенесенную тяжелую болезнь, отец продолжал упорно работать, а уставая, ложился отдыхать в тени стогов. Но однажды, вконец обессилев, он слег и больше не поднялся...

Окончив пятнадцати лет городское училище, летом 1895 года я устроился в контору по распространению журналов и газет. Среди посетителей иногда попадались интересные типажи. Я садился в глубине конторы, в левом углу у стола и начинал рисовать. Но однажды, когда у меня было уже много рисунков, я попался. Посетители, заметив, чем я занимаюсь, попросили показать рисунки. Я не мог отказать, и они им понравились. Среди посетителей оказался и товарищ моего старшего брата Ованеса, Амбарданов, питомец московского Лазаревского института. Он с особенным интересом рассматривал мои рисунки и после этого не пропускал случая, чтобы не потребовать новых. Вот отсюда и началась моя «карьера» художника. Совсем неожиданно у меня появился покровитель, который принял очень близко к сердцу мои первые шаги.

...Осенью 1897 года я держал вступительные экзамены в Училище живописи, ваяния и зодчества. Результаты были отрадны — в списке семнадцати человек, прошедших по конкурсу, я прочел свою фамилию.

В «натурном» классе преподавали Пастернак и Архипов. Последнего мы знали как прекрасного живописца, а Пастернак был чудесным графиком, который блестяще иллюстрировал роман Льва Толстого «Воскресение». Оба художника внимательно и заботливо следили за ходом нашего учения, радовались нашим успехам. В этом классе в мое время почти все студенты учились три года: два — живописи и один — графике.

В 1903 году я получил выпускной диплом и две малые серебряные медали, после чего работал в мастерских Серова и Коровина.

Серов являлся в мастерскую всегда очень пунктуально и молча следил за работой студентов. Вмешивался он лишь в редких случаях, когда считал это сугубо необходимым. Своими острыми замечаниями он помогал ученику вникнуть в суть ошибки. Его постоянное присутствие приучало нас к порядку и повышало интерес к работе. Иногда мы так увлекались работой, что писали пастелью до поздней ночи. Подобные вспышки творческого воодушевления он неизменно принимал с удовлетворением.

Пастель мы готовили сами из смеси сухих красок и мела. Писали на грубом сероватом шведском картоне. Рисунок на этом картоне получался очень приятный, бархатистый, в слегка беловатых тонах.

...Как-то после больших похвал, очевидно, для поощрения, а может быть, желая помочь материально, Коровин предложил мне продать ему одну из моих работ. Это меня крайне смутило, и, весьма польщенный подобным предложением, я в ответ предложил ему в знак моей любви принять рисунок от меня в подарок. Он никак не соглашался и продолжал твердить свое. Я вынужден был принять от своего первого покровителя первую в моей жизни десятирублевку. После этого с удовлетворением в голосе сказал он: «Теперь этот рисунок принадлежит мне».

Серов был неразговорчив, как принято говорить, «молчальник». А Коровин очень любил говорить. Но противоречий между ними не возникало. Они словно дополняли один другого. Любили они и друг друга и нас, студентов.

...В 1900 году я и Геворк Миансарян, студент отделения зодчества нашего училища, отправились на Кавказ.

Мое путешествие по Военно-Грузинской дороге в Закавказье — в Тифлис, Лори, Ереван — оставило неизгладимый след в дальнейшей жизни. Первый раз на Северном Кавказе я был со своим старшим братом Ованесом. Он поехал по делам на Кавказские Минеральные Воды, а я ненадолго поселился в Пятигорске. Должен признаться, что мой интерес к горному пейзажу начался с Пятигорска. С детства я привык к зрелищу бескрайней степи, но Пятигорск чарующей красотой своих окрестностей сумел сразу зародить во мне любовь к иной природе, противоположной моим детским впечатлениям.

Приазовские степи с их разноплеменными жителями — русскими, украинцами, армянами, греками — красочные южные города, полная волнений московская жизнь. Училище живописи, кавказские путешествия — целая жизнь, огромное разнообразие впечатлений, эмоций, лиц, эпизодов, центром которых для меня уже стала древняя Армения...

Сверкающие снежные горы, суровые скалы, ущелья с быстротечными реками, теснины, зеленые холмы, один за другим тянущиеся к синеющим вдали горным хребтам и тающие в молочной синеве неба, пасущиеся в долинах стада, караваны верблюдов, двигающиеся по розовато-желтой пыли равнин,— все это производило на меня огромное впечатление, но полученные мной за годы учения знания были бессильны отобразить их. Они требовали нового языка, новых решений. Действительно, обычная цветовая гамма серых оттенков была очень бедна для перенесения на холст этого красочного богатства. Училище дало мне основы живописной грамоты, но надо было выработать и свой собственный язык. Не так легко было раздобыть это оружие. И внутренние побуждения не давали покоя, требовали искать, мало того, найти, обязательно найти. На этой большой и тернистой дороге самой главной вехой и точкой опоры стала родная Армения с ее неповтори-

М. Сарьян. 1880—1972. КРАСНАЯ ЛОШАДЬ. 1919.

СТАРЫЙ ЕРЕВАН. 1928.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Сарьян. СБОР ПЕРСИКОВ В КОЛХОЗЕ. 1938

Государственный музей Революции СССР.

БЮРАКАН. 1958.

мыми пейзажами и всем колоритом быта ее народа. Я избрал эту дорогу. Никакой другой путь не привлекал меня больше, чем этот.

...В 1909 году на выставке «Золотого Руна» я был представлен большой картиной «Земледелец» и другими работами. «Земледелец» был результатом долгих раздумий. Его замысел питался впечатлениями детства, затем он постепенно оформлялся по мере зрелости и углубления понимания общественной жизни. Моей целью было создать сильный, красивый, возвышенный образ человека, своим честным трудом созидающего блага земли. Армянского трудящегося-крестьянина я знал, можно сказать, с колыбели. Одного лишь образа моего отца было достаточно, чтобы я ясно представил духовный и физический облик труженика-земледельца.

Изучение крестьянской жизни по-интеллигентски, поверхностно, не дает желаемого результата. Даже для описания одной главы из его жизни надо проникнуть в его сущность, в содержание его философии и психологии. Ведь в любой рисуемый объект ты вкладываешь самого себя, а если нет внутренней тесной связи между тобой и тем, что ты изображаешь,— не может быть и искусства.

Почти всю поверхность довольно большой картины занимала голова земледельца, вписанная в пейзаж. Лицо его было в глубоких морщинах... Я стремился выразить и смысл его долгого тяжелого труда, и черты характера, и глубину обретенного им интеллектуального опыта. Морщины в картине напоминают также поверхность земли, шероховатость гор и ущелий, которые в естественном ритме сопутствуют долинам и равнинам.

Через несколько дней после открытия выставки ее посетил любитель и тонкий ценитель французской живописи С. Щукин. Подойдя к моему... «Автопортрету», Сергей Иванович выпрямился, принял артистическую позу и стал, слегка заикаясь, расхваливать его, говоря: «Работа чудесная, вы великолепный портретист» и так далее. Тут же он попросил меня написать портрет сына. Я был ошеломлен. Не кто иной, как сам Щукин, известный всей Европе выдающийся знаток искусства, дает мне заказ. Говорили, что, когда он ездит в Париж покупать картины, художники прячут свои наиболее удачные работы, так как Щукин, обладая весьма острым глазом, выбирает самые лучшие из лучших. Именно благодаря ему в музеях Советского Союза французские импрессионисты и постимпрессионисты представлены в великолепном собрании...

Я выставил портрет на выставке «Мира искусства» в 1911 году в зале Литературного кружка. Здесь я увидел Серова, который стоял перед моими картинами. Я подошел к нему и поздоровался. Он не ответил, повернулся к портрету Щукина и, указывая пальцем, воскликнул: «Пушка. Две пушки!» Это было сказано о широко раскрытых, пристально смотрящих глазах. Таков был Валентин Александрович, всегда скупой на слова, не допускавший излишеств и очень меткий в характеристиках.

Искусство!.. Какова его роль? Какое искусство нужно людям? Что такое, наконец, это искусство? Вот вопросы, часто становящиеся темой бесед, а иногда и горячих споров, вопросы, возникавшие и у меня и у других, отдавших жизнь искусству.

Лучшая работа всегда и всюду совершается руками мастеров, специалистов. Нет ничего вреднее дилетантства.

Училище научило рисовать, но этого мало. Прежде всего надо выработать исключительную взыскательность к самому себе. Без этого нельзя стать художником... Надо чувствовать сильно, доходить до творческого экстаза.

Я должен был в искусстве овладеть тем единственным для меня языком, который помог бы мне выразить свои переживания и чувства, свои стремления и мысли. Тем языком, который оживил бы впечатления детства, позволил бы мне отразить мои представления о родном крае, человечестве, вселенной.

С годами мое внимание стало устремляться на юг, к незабываемым местам моего детства, позднее на Кавказ, в Закавказье и, наконец, к природе и жизни Армении, к стране, чей народ говорил на языке моего отца и матери, на языке моих предков.

Очень трудно было мне найти язык искусства, который был бы так же близок душе моего древнего народа, как его родная речь, и в одинаковой степени был близок сердцу других народов...

...Первая выставка, в которой я участвовал по возвращении из Константинополя, была выставка «Московского товарищества художников». Товарищество устраивало их ежегодно. Изредка на них экспонировались такие большие мастера, как М. Врубель, В. Борисов-Мусатов и другие. Двери выставок радушно открывались перед молодыми художниками. В выставке «Московского товарищества художников» я участвовал восемью своими картинами. Однажды, случайно зайдя в залы, я встретил там одного из ревностных членов Товарищества — Ф. И. Рерберга. Он подошел ко мне, обнял, расцеловал и взволнованно воскликнул: «Поздравляю вас! Комиссия Третьяковской галереи купила две ваши работы. Это первый случай, когда наконец-то приобрели работы молодых художников!» Должен признаться, что эта радостная весть сильно взволновала меня, но вместе с тем вызвала чувство смущения оттого, что выбрали только мои работы, да еще две. Но как бы то ни было, я был счастлив. Были куплены «Глициния» и «Фруктовый базар»...

Зимой 1911 года на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская улица) в залах Литературно-художественного кружка я показал десять полотен — вторую группу своих константинопольских работ, в центре которой были «Константинопольские собаки». С этой выставки Серов купил для Третьяковской галереи «Цветы» Сапунова и мою картину «Полдень. Улица. Константинополь».

В тот период открылась и выставка «Союза русских художников», где я выставил третью группу своих работ. На выставке встретил В. И. Сурикова, внимательно рассматривающего мои работы. Он хвалил их и интересовался техникой исполнения. Все картины были выполнены темперой. Зима 1910—1911 годов была первым этапом моих успехов и настоящего признания.

...Мои картины всегда вызывали прямо противоположные мнения. Их или совершенно не признавали, или принимали полностью. Середины не было. Еще в 900-х годах по совершенно непонятным для меня причинам моему творчеству приписывали бог весть знает какие принципы, а в 1910-е годы критика пыталась нащупать как раз те задачи, которые составляли исходную точку моего искусства.

Каждый год приносил мне успех, но сомнения непрестанно терзали мою душу. Во мне родились новые мысли и намерения. Все время казалось, что можно рисовать гораздо лучше и как-то новее.

Надо было непременно придумать что-нибудь, так как разрешению творческих задач, которые меня занимали на данном этапе и которые я собирался разрешить, никак не способствовал хаос, царивший в художественной жизни. Надо было научиться работать более свободно и ясно.

Но о чем следует больше говорить? О жизни? О природе? И что беспрерывно волновало меня, к чему я стремился, всецело отдавшись искусству? К настоящей, неподдельной живописи. Я любил ее. Любил творчество великих мастеров искусства. Но вот то, что делали окружающие меня люди, что делал я сам, не удовлетворяло меня.

Каждый раз я внушал себе, что все сделанное мной до этой поры еще недостаточно совершенно. Нужны новые, более сильные и более глубокие работы. Надо учиться у природы и побеждать ее, да, побеждать, обращая полученное от нее в свое собственное, преображенное силой страсти и разума.

Вот я вижу. Но видеть — это еще не все. Только интеллект и чувство, острая мысль и яркое восприятие открывают путь к искусству. Мысли и чувства в самом высоком проявлении их связи и союза необходимы не только для создания произведения искусства, но и для его восприятия...

После студенческих лет я понял, что истинный художник должен быть передовым членом общества, обладать высокими моральными качествами. Дешевая слава должна ему быть чужда. Он должен быть предан великим идеалам служения народу, должен стать его душой и сердцем...

1921 год. Армения. Народным комиссаром просвещения был мой старинный друг Ашот Иоаннисян. Он поручил мне организовать ряд культурных учреждений — Музей археологии, изобразительного искусства, истории и этнографии и Комитет по охране памятников старины. Надо было основать также художественное училище и организовать творческое объединение (Союз) художников. За короткий срок работа развернулась бурными темпами.

В трудный период начала работ я был назначен советником по делам искусств при Наркомпросе. Это была почетная и трудная обязанность. Первое, что я сделал,— это пригласил художников и искусствоведов. За короткий срок со всех концов страны в Армению переехали очень многие наши деятели культуры. Такова была притягательная сила новой, Советской Армении.

Через два года все было налажено, и дело пошло, как полагается. Я постепенно стал отходить от административной работы и все больше втягивался в творческую деятельность. После организованного в летние месяцы путешествия по стране, увлекшись красотой природы, я после долгого перерыва взялся за этюды. С ненасытным интересом я продолжал изучение природы родного края.

В 1924 году мне предложили принять участие в Венецианской международной выставке. Правительство Армении поддержало это предложение и направило меня своим делегатом.

...Побродив немного по площади, я вошел в одно из кафе и увидел знакомого. Это был Аветик Исаакян. После долгой беседы в этот день мы расстались, но затем встречались каждый день.

Именно здесь, в Венеции, началась наша дружба, пережившая десятилетия. Он всячески старался, чтобы я чувствовал себя возможно лучше. По-видимому, ему со мной тоже было хорошо. Наше общение словно помогало ему утолять тоску по Родине. Он без конца расспрашивал об Армении, Ереване, об общих знакомых, жадно впитывал в себя все, что я ему сообщал.

Надо было видеть, с каким волнением смотрел он мои картины, как радовался, когда они нравились чужеземцам. Радовался, как ребенок, и гордился, как мудрец. В том же году он писал:

«Художник Сарьян, сознательно и инстинктивно, с глубоким пониманием искусства подошел к своему делу и годами, упорно и глубоко, изучал краски и линии Армении и Востока, и особенно наши миниатюры — бесценное наследие наших предков... Из этих материалов и создал он свое искусство, полностью национальное. Таким образом, он подводит научную основу под нашу живопись или, точнее, пробуждает и развивает старое, так как элементы этого нового искусства живут в глубине веков нашей матери-родины.

И искусство Сарьяна, опирающееся на родные древние традиции армянского искусства, должно после этого расцвести на нашей родине и стать в шеренгу славящих ее дел. Я говорил, что жизнь и искусство М. Сарьяна тесно связаны друг с другом, и иначе не могло быть: настоящее искусство является обобщением сущности настоящего художника, его символическим портретом.

Когда вы смотрите его картины, душа ваша наполняется безграничной любовью к «расстилающейся под солнцем сказке», к родной земле с ее чудесными горами и реками, полями и пасущимися на склонах ее гор оленями, обожаемым им армянским крестьянином и его заветным плугом... И невольно думаете вы о том, как же безгранично любит художник эту землю и ее пахаря; так любит, что тем же горячим чувством заражает и вас. Когда же вы подходите к нему еще ближе, узнаете его мысли и чувства, вы видите, что действительно эти картины вылились из его души...»

После двухмесячного пребывания в Италии я пустился в обратный путь на Родину. Словно светлый сон, вновь перед моими глазами стала вырисовываться наша страна...

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Юрген ЕССЕЛЬ,
публицист ГДР

Передо мной снимок 1920 года: Ленин в своем кабинете в Кремле, напротив — солидный господин в добротном темном костюме. Подперев голову правой рукой, Владимир Ильич внимательно слушает гостя; в глазах, в уголках рта — легкая ироническая улыбка.

Гость этот был английский писатель Герберт Уэллс, который имел длительную беседу с Лениным и признал, что собеседник разговаривает как настоящий ученый и «превосходно говорит по-английски». М-р Уэллс считал себя человеком довольно левых взглядов и при случае слегка покритиковывал империализм. Однако его отчет об этой поездке — под мрачным названием «Россия во мгле» — свидетельствует не только об удивительно глубоком непонимании марксизма, но и о том, что обычного западноевропейского образования, интеллекта и благочестивого стремления к объективности было далеко не достаточно, чтобы в русском «хаосе» двадцатого года разглядеть ростки будущего.

Человек в Кремле говорил Уэллсу о крупных электростанциях, которые будут давать энергию целым губерниям. Подобные проекты обсуждались в то время в Англии. Там, считал Уэллс, они могут быть претворены в жизнь. «Но осуществление таких проектов в России можно представить себе только с помощью сверхфантазии. В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром... И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего предвидения».

Сейчас, через шестьдесят лет после той беседы в Кремле, весь мир знает: прав оказался не скептик-утопист. И, разумеется, не только в вопросе об электрификации. Век, в котором мы живем, уже вошел в историю как век Ленина.

Нет слов восхищения и почитания, которые бы не были уже сказаны о Ленине, сказаны тысячи раз. «Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее откуда взять!» — спрашивал еще Маяковский и нашел это слово — доброе, прекрасное: «Самый человечный человек».

...Площадь Финляндского вокзала в Петрограде. На броневике, выхваченный светом прожекторов, только что вернувшийся из эмиграции Ленин. Вокруг — матросы, рабочие, красные знамена... Кому не знакома эта сцена!

Где провел Ленин первые часы на родине? У Елизаровых, у сестры и ее мужа. Анна приготовила комнату, маленький Гора украсил ее для тети Нади и дяди Володи лозунгом от руки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мария, младшая из Ульяновых, жила в это время тоже у Елизаровых. Впервые за долгие годы сестры и брат вновь собрались под одной крышей.

Тем, кто путает книжные познания о революции с реальной жизнью, как-то неловко и представить, что человек, сию минуту призывавший бурлящие массы к штурму, несколько часов спустя в тесном семейном кругу мирно пьет чай. Для Ленина не существовало подобных «противоречий», потому что для него чаепитие и семейные разговоры никогда не были «бегством от действительности». Позиция обывателя, который старательно отделяет личную жизнь от работы и политики и только дома, в близком кругу чувствует себя «человеком», была чужда, я бы сказал, самой натуре Ленина. А ведь он ясно осознавал свой семейный долг и никогда не забывал об ответственности, какая легла на него после смерти отца и казни старшего брата.

Один эпизод, из которого видно, как он воспринимал эту ответственность. 30 августа 1918 года. Утром пришло известие об убийстве Урицкого. Вечером Ленин должен был выступать на заводе Михельсона. За обедом его напрасно убеждали отказаться. Уже в пальто он зашел в комнату Марии Ильиничны попрощаться. Она просила, настаивала, почти умоляла взять ее тоже. Разве не делили они пополам уже столько опасностей?! Ленин остался неумолим. Он ушел — и вернулся с пулями Каплан.

Альберт Шрайнер, немецкий коммунист, вспоминает, что у него невольно возник вопрос, когда он впервые услышал Ленина: как, это и есть тот титан? Но все, что он сказал, так совершенно просто, так легко понять! Подобных признаний вы найдете множество.

Готовя недавно материал о «европейском сообществе», я еще раз прочел статью «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Будь это первая моя встреча с Лениным, наверно, я задал бы себе тот же вопрос, что и Шрайнер. Все понятно и совершенно просто. А фрагмент о капиталистическом варианте «Соединенных Штатов Европы», если опустить отдельные обусловленные временем формулировки, читается так, будто написан сегодня, а не в августе 1915-го, и подразумевает брюссельское решение НАТО.

И в русском и в международном рабочем движении тогда было немало блестящих ораторов и публицистов. Плеханову, например, считавшие себя марксистами либералы устраивали неистовую овацию, когда тот метал свои красивые фразы. Рабочие уважали его за огромные знания — до поры, пока он оставался марксистом. Но им не пришло бы в голову сказать: «Он один из нас». Так они говорили о Ленине.

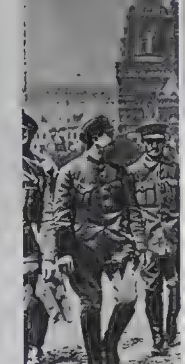
Ленин был высокообразованным человеком, разумеется, ему бы не составило труда украсить каждую свою речь или статью фейерверком мудреных фраз. Но напрасно вы будете искать хоть один такой пример. Ни пышных украшательств, ни трубного пафоса, ни самолюбования, ни ученого пустозвонства — только деловитость и логика.

Просто было, не что он говорил, а как. Ленин не «наставлял» слушателей, как проповедник темную паству, его мысли становились доступны каждому словно исподволь. Может быть, именно в этом глубочайший секрет неотразимости ленинского слова: и новые взгляды и уже известные истины он преподносил так, что известное казалось слушателям новым, а новое — известным, само собой разумеющимся, и они переживали волнующее чувство сопричастности открытию, совершенному только что, на их глазах.

Начало века... Кто знал тогда Ленина? Революционеры России, узкий круг эмигрантов в Париже, Лондоне, Женеве, Цюрихе, Мюнхене. Еще охранка. Сегодня это имя известно планете. Сегодня по-прежнему его любят друзья и ненавидят враги. Слово и дело его озарили столетие, лишь первую четверть которого ему выпало жить.

В чем же, наконец, величие Ленина? В том, что он был мыслитель, каких насчитывает единицы вся долгая история человечества, философ, наметивший контуры нового мира? Да, одно это на века обессмертило бы его имя. Но тогда он не стал бы Лениным, а остался бы Владимиром Ульяновым, русским философом, который, как никто другой, видел и понимал свое время. Он стал Лениным, потому что слово продолжил делом. Он стал Лениным, потому что воплотил теорию пролетарского восстания в реальность социалистической революции, а поскольку он был Лениным, то сумел определить тот единственный день, даже час, когда это оказалось возможным. Он стал Лениным, потому что создал партию большевиков, силу, наполняющую жизнью идеи революции. Ульянов стал Лениным, потому что доказал правоту Маркса: важно не объяснить мир, а изменить его. Он изменил мир и, что еще важнее, научил этому миллионы. В этом есть и будет его величие, его гений, его бессмертие.

Берлин

В. И. Ленин на параде войск Всевобуча 25 мая 1919 года. Второй справа — Волдемар Буман.

Нина ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Снег шел и шел и украшал мир своей ни с чем не сравнимой белизной. Такое же ощущение белизны осталось от подушек, в которых мы увидели Волдемара Мартыновича Бумана, выздоравливающего после сложного перелома ноги.

Разумеется, застав его нездоровым, мы извинились и собрались уходить. Но он «отмобилизовался» мгновенно!

— Э, нет-нет, уж коли пришли, прошу остаться. Мамочка,— это жене, Эмилии Давыдовне,— подсоби-ка сесть, принеси документы и фотографии, так вот мы и поговорим.

В двух небольших комнатах чистота, много книг. На стенах несколько различных фотографий Ленина: один и со спутниками, среди которых нетрудно угадать хозяина дома.

Могучая сила чуть выцветших писем и фотографий вырвала Бумана из болезней, из медлительного снегопада за окном, из бремени лет — ведь Волдемару Мартыновичу уже восемьдесят пять — все это стало второстепенным, несущественным. Мы оказались лицом к лицу с молодостью Волдемара Бумана.

Время было великим. Светом Октября озарилось все наше столетие, и свет этот усиливается, пронизывает времена и пространства. С каждым днем все дороже и бесценней становятся документы той эпохи. А здесь на фотогра-

фиях — Владимир Ильич Ленин. И рядом с нами — человек, знавший Ленина, помогавший ему в первые послереволюционные годы.

...Сколько раз я проезжала мимо Алои — ничего особенного, обыкновенный прибалтийский поселок. А ведь здесь началась жизнь Волдемара Бумана. Он родился в семье сельского учителя, и росли в этой семье еще семь мальчишек и две девочки. Волдемар учился в Валмиерской гимназии и тоже собирался стать сельским учителем и даже ненадолго стал им там же, в Алое, в приходской школе.

Но уже шел 1915 год, четыре старших брата воевали на фронтах первой империалистической. Наступил и Волдемаров черед. Запасной латышский полк формировался в Юрьеве, некоторое время стоял в Валмиере, и вот тут-то грянула Февральская революция.

Демократия! Полное надежд и так скоро обесценившееся слово пронеслось над Россией. Сначала все как бы изменилось — настолько, что простого латышского учителя направили из запасного полка в Москву, в привилегированное Александровское военное училище... Знали бы! Если б знали, что он еще в гимназические годы читал труды Маркса и верил в грядущую социалистическую революцию... От дней окончания училища осталась фотография: свежеиспеченный юнкер склонился к невесте, в фате, со свадебным букетом. Дата — 4 августа 1917 года, с этого дня они с Эмилией Давыдовной всю жизнь вместе.

Сразу после свадьбы он, подхваченный временем, мчится в поезде дважды через всю Россию — сначала в Иркутский военный округ, оттуда — прапорщиком на Западный фронт, в Пинские болота...

Но он и сам умел брать время в свои руки. С победой Октября его полк сразу перешел на сторону революции. С развалившегося фронта Волдемар Буман уехал в Москву, а затем в Орловскую губернию, с замыслами — учить детей.

...Как мне это знакомо! В нашей семье хранились письма моего юного отца из красноармейского госпиталя к своей невесте, впоследствии моей матери. «...прочел в газете,— писал он,— что в одной только Петроградской губернии будет открыто 3000 новых школ. Сколько же у нас будет новой работы в этих новых школах!» Всю жизнь мои родители, сельские учителя, благоговели перед теми, кто на труднейших поворотах истории Отечества открывал и открывал народные школы...

— ...А потом наступил страшный день, когда раздался предательский выстрел Каплан,— продолжает Волдемар Мартынович,— и я не мог больше оставаться на мирном учительском посту. Мой брат Александр служил тогда в ВЧК в Москве, Яков Христофорович Петерс работал заместителем Дзержинского. Они знали меня, верили, ждали, я уехал в Москву и был назначен командиром особого отряда ВЧК по борьбе с контрреволюцией. В обязанности отряда входила ответственность за безопасность Владимира Ильича вне Кремля, во время его публичных выступлений. Надо сказать, что это было непросто — ведь Владимир Ильич не очень-то жаловал личную охрану, да еще с оружием в руках. Надо было уметь держаться вблизи, но при этом не показывать вида. У нас была инструкция Дзержинского — не допускать того, что уже однажды случилось. Революцию и ее вождя на каждом шагу могли подстеречь самые разномастные враги.

Прокомментирую вот этот снимок,— продолжает свой рассказ Волдемар Мартынович, и на стол ложится фотография, увеличенную копию которой мы видели в Риге, в Музее Революции.— Я сам долго не знал о ее существовании, только в 1933 году увидел в Киеве, в фойе кинотеатра, и по моей просьбе фотография ВЦИК изготовила несколько фотокопий на память.

В те дни, когда делался снимок, Волдемар Буман был уже коммунистом: в октябре 1918 года партийная ячейка ВЧК приняла его в ряды сочувствующих, а в апреле 1919 года он стал членом РКП (б) и получил партийный билет № 504.

— После введения единого партийного учета номер, конечно, изменился,— уточняет Волдемар Мартынович.— Но вернемся к фотографии. Было это 25 мая 1919 года. Республика праздновала первую годовщину всеобщего военного обучения. Вспомним: Всевобуч был введен декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 года «Об обязательном обучении военному искусству». И вот чуть больше года спустя, в условиях, когда враги осаждали молодую Республику Советов шестью фронтами, на Красной площади состоялся парад частей Всевобуча. Выстроились рабочие батальоны, районные коммунистические отряды, курсанты московских военных школ. Около полудня подъехал к площади Ленин. С ним были Надежда Константиновна и Мария Ильинична. После обхода войск Ленин выступил на открывшемся митинге с речью о роли рабочего класса в защите социалистического Отечества и международном значении Советского государства. Заканчивая выступление, Ленин предоставил слово гостю, комиссару по военным делам Венгерской Советской Республики Тибору Самуэли.

На фотографии я второй справа,— отмечает Волдемар Мартынович.— Шагаю, к сожалению, далеко не по воинскому уставу — в правой руке рапорт о подготовке войск Всевобуча, левая в кармане, там револьвер: повторяю, Владимир Ильич не переносил вида оружия.

— Были ли вы лично знакомы с Лениным, разговаривали ли с ним?

— Встреч было много. И разговаривал, конечно. Но на память свою теперь не полагаюсь. Зато всегда помню, что каждое слово Ленина надо цитировать точно, и законом для меня всегда было его послесловие к брошюре «Успехи и трудности Советской власти».

Волдемар Мартынович протягивает записную книжку в красном переплете, открывает нужную страницу. Почерком, который даже не назовешь каллиграфическим, скорее художественным, так красива эта страничка, он выписал ленинские слова:

«Потратив немало труда на исправление записи моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.

Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей...

Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них...

Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи».

— Людей, знавших Ленина, осталось не так уж много,— продолжает Волдемар Мартынович.— Бывает, некоторых из них обуревают воспоминания: видел тогда-то, говорил приблизительно о том-то... Но ведь каждая фраза Ленина — достояние всего человечества. Как же можно просто полагаться на память, часто изменяющую нам, об отдаленном теперь уже времени? Могу рассказывать только о строго проверенных документах или фотодокументах...

...А жизнь прожить — не поле перейти. Да еще такую жизнь! Волдемар Мартынович до 1922 года прослужил в разных должностях в войсках внутренней охраны в Москве. Потом был командирован уполномоченным ВЧК на Полтавщину. Работал секретарем уездного комитета КП(б)У в городе Ромны. Был прокурором в Кременчуге, в Лубнах, в Одессе. Всегда просил направить его туда, где создавалось новое, где чувствовал себя в силах помочь Советской власти...

В 1942 году он снова стал солдатом запасного латышского полка — уже во второй мировой войне.

...И вот теперь персональный пенсионер союзного значения, Волдемар Буман живет в заснеженном латвийском городе Елгаве и символичным для себя считает свой адрес: улица Ленина. Дети тоже живут в Латвии: сын — заслуженный геодезист, дочь — бригадир строителей, избиралась депутатом Верховного Совета республики.

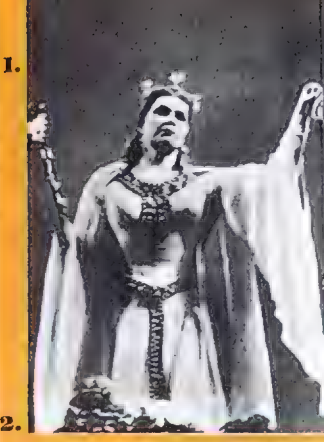
— Сейчас вот из-за этого нелепого перелома вынужден бездельничать,— сетует Волдемар Мартынович.— И это досадно, потому что наша елгавская секция старых коммунистов неплохо работает, еще умеем закручивать интересные дела. Кроме того, я пропагандист «Елгавсельмаша» и льщу себя надеждой, что неплохой пропагандист.

Волдемара Бумана хорошо знают в школах Елгавы и Риги, в других городах и поселках Латвии. Человек ленинской стойкости и закалки, свидетель и участник великих лет и событий, он умеет рассказывать о них так, что все остается в памяти сердца.

БИЛЕТ № 504

1.

2.

ИВАН

«огонек» поздравляет

Конечно, мы могли бы написать очень много страниц об этом артисте, посвятив их разговору о его изумительном лирическом теноре, о виртуозном владении богатством голоса, о незаурядном актерском даре внутреннего перевоплощения... Мы могли бы

3.

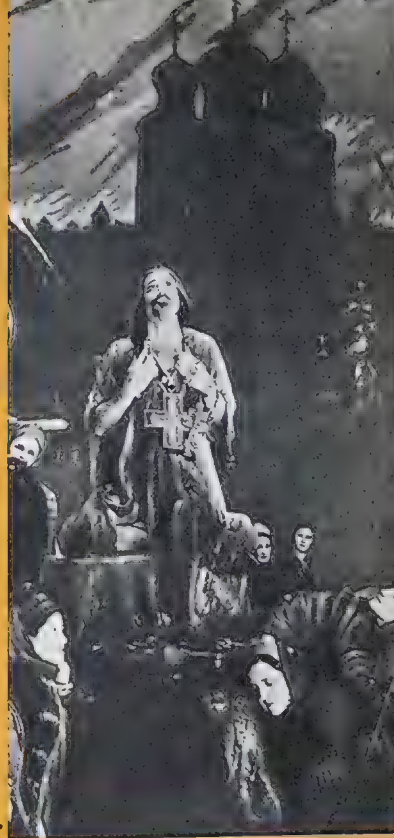
КОЗЛОВСКИЙ

подробнейшим образом разобрать его партии на сцене Большого театра начиная с 1925 года; рассказать о его режиссерском таланте, отличающемся глубоким знанием законов сцены и оригинальностью творческой мысли. Могли бы говорить о нем вообще как о целой эпохе — и притом прекрасной — в советском искусстве...

Дело не в том, что мы боимся повториться или повторить кого-то (настолько много было уже сказано об артисте, его яркой и вдохновенной жизни). Сегодня нам захотелось напомнить: существуют на свете имена, которые говорят сами за себя. Достаточно произнести...

Иван Семенович Козловский.

Этим все сказано. Нам остается сердечно поздравить Ивана Семеновича с его восьмидесятилетием. И еще раз высказать искреннюю благодарность за его неповторимое, всегда молодое Искусство.

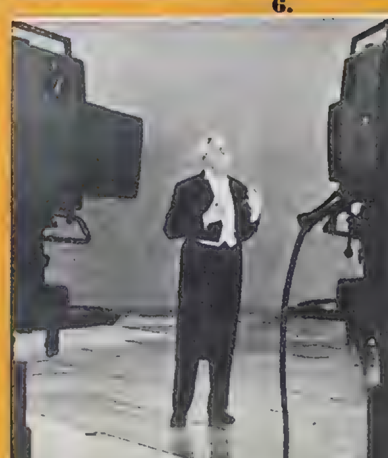
5.

4.

6.

1.
Народный артист СССР И. С. Козловский с внучкой.

2.
Сцена из спектакля «Лоэнгрин».

3.
Индийский гость в «Садко».

4.
Ленский в «Евгении Онегине».

5.
Юродивый в «Борисе Годунове».

6.
Выступление на телевидении.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Фотография была опубликована в новогоднем номере «Огонька» в 1944 году. На снимке, сделанном корреспондентом ТАСС по Ленинградскому фронту С. Сучатовым, был запечатлен минометный расчет братьев Шумовых. Одиннадцать братьев добровольно ушли на фронт. Шестеро воевали в одном минометном расчете.

Братьям Шумовым посвятил свою поэму «Россия» Александр Прокофьев.

Фотографию бережно хранят в семье Афанасия Максимовича Шумова, одного из сыновей Максима Шумова. Я встретился с А. М. Шумовым. Он полковник. Начальник кафедры марксизма-ленинизма высшего танкового командного училища, кандидат философских наук.

Афанасий Максимович по моей просьбе принес семейные фотографии, вырезки из газет, книги, брошюры.

Не все братья вернулись домой. Погибли Петр, Федор, Николай, Емельян. Был тяжело ранен Максим. В конце войны пали Семен, Василий, Иван. Нелегкой ценой далась Победа.

Жили Шумовы в таежной глуши, за сотни километров от железной дороги. Когда пришла весть о войне, решили добровольцами пойти на фронт. Все вместе пришли к отцу, Никите Фадеевичу. Он и повез сыновей на сборный пункт.

— Все братья были крепкого сложения,— говорит Афанасий Максимович.— Охотники, отличные стрелки. Таким был и дед наш, Никита Фадеевич. Отец рассказывал, поехали они на сборный пункт в январе сорок второго. Мороз стоял за пятьдесят. А сборный пункт — в районном центре. Ехали на семи санях. С песнями, с красным флагом. Не доезжая до районного центра, все сошли с саней, построились в колонну, и повел Никита Фадеевич Шумов своих сыновей пешком до сборного пункта строем. Без шапки шел. И красный флаг над головой держал. На сборном пункте выстроил всех в одну шеренгу и доложил капитану из военкомата: «Принимайте братьев Шумовых, привел на службу в Красную Армию».

О том, как воевали братья Шумовы, написаны книги. Передо мной одна из них — «На берегах Невы». В годы войны ее автор Павел Лукницкий был военным корреспондентом ТАСС по Ленинградскому фронту. В главе «У минометчиков братьев Шумовых» автор рассказывает, как вместе с поэтом Александром Прокофьевым побывал в минометной батарее, где воевал известный всему фронту боевой расчет: «Удивительный это расчет. Командир его — тридцатилетний Александр Шумов, старший сержант. Наводчик — Лука, ефрейтор, старше его на четыре года. Заряжающий — Василий, тоже ефрейтор, на год старше Александра. Заместитель наводчика—Авксентий, на год моложе. Снарядный Иван— самый старший. Все одновременно, в один день, за бои по прорыву блокады были награждены орденами». Миномет братьев вместо десяти мин в минуту, как предусматривалось инструкцией, выпускал по врагу восемнадцать. Такой скорострельности не удавалось добиться ни одному расчету.

Я прошу Афанасия Максимовича рассказать об отце.

— Отец был связным у комбата. С ранних лет познал он труд. Сеял хлеб, пас скот, сплавлял лес по Енисею. А в 1918 году вступил в Красную Армию. Воевал с бандами, действовавшими за Саянами. Освобождал родные места от Колчака. Был в отряде ЧОН. В двадцать третьем вступил в ленинскую партию. А в годы Великой Отечественной войны вместе с братьями воевал против фашизма. Был ранен под Ельней, под Смоленском, на Курской дуге.

Следуя семейной традиции, и мы, три сына Максима Шумова, стали офицерами. Старший брат мой, Николай, погиб на боевом посту сразу после войны. А мы с братом Альбертом продолжали службу в армии. Учится в высшем танковом командном училище и мой сын Сергей.

Более пятидесяти Шумовых служат и трудятся сегодня на родной земле, за которую воевали их отцы и деды...

Вырастил тринадцать детей бывший минометчик Лука. Одиннадцать детей у Авксентия.

Память военных лет. Сегодня она и в улице имени братьев Шумовых, что в районном центре Самагалтае, Тувинской автономной республики. И в 120-миллиметровом миномете под номером 0199, что стоит в Ленинградском артиллерийском историческом музее. Рядом фотография братьев Шумовых. Та самая, которая была в новогоднем номере «Огонька» в сорок четвертом году.

В годы войны я жил в блокадном Ленинграде. Мальчишкой дежурил на крышах во время налетов фашистских самолетов. Никогда не забуду блокаду, мужество защитников города Ленина. И мне особенно дороги братья Шумовы, которые из далекой Сибири приехали в мой город, чтобы защитить его.

Я. КИМЕЛЬФЕЛЬД

Челябинск.

СЫНОВЬЯ И ВНУКИ, ПОМНИТЕ!

Моему брату Карышеву Геннадию Ивановичу 4 октября 1941 года исполнилось 18 лет, а 8 октября мы проводили его на фронт. Мне тогда было восемь лет, но я прекрасно помню, как с фронта пришло письмо, написанное незнакомым почерком, а из конверта посыпались наши семейные фотографии. Писал друг Гены Лунев Владимир, что брат погиб в боях за Родину 29 сентября 1943 года. Комсомолец, затем коммунист, командир взвода. В двадцать лет он погиб за наше счастье, за будущую мирную жизнь. Все строчки его писем были проникнуты лютой ненавистью к фашизму. Милый, храбрый мой братец, сколько было слез тогда!

Высылаю предпоследнее письмо брата и фотографию после окончания учебного года в мае 1941 года. Он мечтал быть военным и фотографировал сам. Жаль, что с фронта была только одна фотография, которая так дорога нам.

«Привет с фронта Великой Отечественной войны!

Здравствуй, дорогая сестренка Юлечка! С пламенным сердечным приветом твой брат Г. Карышев. Сегодня я получил твое письмо, за что большое спасибо! Я жив и здоров на сегодняшний час. Нахожусь в боях наступления. Продвигаемся вперед, на Запад, освобождая нашу территорию от фашистской нечисти.

Вчерашний день мы заняли один город — уже второй за время наступления, начавшегося недавно. Сотни деревень и сел освободили и с боями движемся вперед на полный разгром немецко-фашистских разбойников.

Вчера моя группа зашла в тыл врага, забросала гранатами дзот и захватила в плен двух мотоциклистов. Привели их в штаб, один был фельдфебель, другой штабефрейтор. Мне тоже немного попало, но ничего, все сходно, зато результат хороший. Скажи Юле Башкатовой, что неплохого я ей порекомендовал друга, тов. Лунева. Вчера он дрался лучше всех. Смелый, первым напал на мотоциклистов и давай их угощать прикладом так, что те с криком «Гитлер капут!» подняли руки. Вообще все сибиряки хорошо дерутся...

Ну, Юля, жизнь идет веселая, а тем веселая, что продвигаемся вперед. Такая сила сейчас у нас, что все горит, земля и небо! Не страшна и смерть, потому что мы ведем наступление, враг еще сопротивляется, но, видимо, подходит ему конец.

Сейчас я проводил четырех своих раненых товарищей в госпиталь. Сам пойду сейчас в бой, мой взвод уже дерется.

Дорогая сестренка, на войне бывает все. Не забудь, если что.

Передавай привет Маше и Тоше, Юле Б. и всем родным и знакомым.

Ну, любимая сестренка Юлечка, прощай. Целую крепко, много, много раз.

Твой брат Г. И. Карышев.
30.08.43 г.»

Сейчас у меня два сына: старший, Олег,— офицер Советской Армии, у него тоже два сына — мои внучата. Младший сын, Владимир, тоже служит в армии.

Пусть же никогда сыновья наши и внуки не знают ужасов войны, пусть будет над ними мирное, ясное небо. За нас, за счастье людей земли погибли наши дорогие, любимые братья и отцы. Вечная им память и слава!

Дорогая редакция! Очень прошу написать о моем брате, пусть прочтут о нем мои дети и внуки, и пусть они и все их ровесники не забывают тех дней.

Ю. И. НУРАЕВА

Горно-Алтайск.

«ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!..»

«Здравствуй, родной мой Касим! Шлю тебе пламенный привет, желаю успеха в работе. За последнее время получил от тебя три письма. Сейчас вот урвал кусочек времени, чтобы сообщить о своем здоровье.

Живу по-старому, хорошо, в «веселье» тоже недостатка нет. Каждый день над головой кружится сотня самолетов, стараясь навести страх. Но у них ничего не получается. Ни тысячи танков, ни сотни самолетов не могут прорвать нашу оборону. Люди сражаются исключительно хорошо и проявляют неописуемый героизм. Здесь порядок такой: не пехотинец боится танка, а немецкий танк боится пехотинца! Надеемся, что и дальнейшие их попытки потерпят полный крах!

Ты, конечно, мало представляешь, что происходит здесь. Даже подумать жутко, а что уж говорить о тех, кто это испытывает на себе. Если бы из работников тыла кто-нибудь побыл здесь хотя бы час, он на другой день дал бы стране в три раза больше продукции, чем сейчас!

Непосредственно в этих боях я еще не участвовал, о чем очень жалею, но на этих днях, думаю, и на мою долю придет счастье, и я вместе с другими буду бить гадов.

Мне кажется, что скоро тронется река и унесет с собой весь мусор, всю заразу, стремившуюся сесть на наше тело. Скоро выглянет яркое солнце, обогреет родные поля, луга и леса, люди наденут праздничные платья и с радостью будут встречать друг друга, тот, кто трудился на благо Родины, выпьет с товарищем кружку пива за столом. Родина вздохнет полной и свободной грудью, и будут во всех уголках поминать нас. Я умирать не собираюсь, но, если придется, жалеть нисколько не буду, лишь бы победить. До свидания, родной. Всем сердцем любящий тебя твой брат Борис. 12.07.43.».

Это письмо от моего брата, который не вернулся с войны. Оно не блещет слогом, но написано от души, без всякой рисовки или поддельной бравады, потому что я был ему единственным близким человеком, и он всегда мне говорил только правду. Мы с ним воспитывались в детском доме под Пензой. Брат был настоящим коммунистом с довоенным стажем, комсомольцем с 1925 года.

Его звали Бурхан Хакимович Хайров. Мы по национальности татары. Он себя называл Борис Акимович. В двух мемуарных книгах о Великой Отечественной войне о нем рассказывается под этим именем. Вот еще одно его фронтовое письмо.

«Ты просил познакомить тебя с моей жизнью. Жизнь моя однообразная. Если и бывают изменения, так они незначительны. Бои, отдых и снова бои. Работаю зам. командира дивизиона по политчасти. То есть занимаюсь вопросами морали и политики, воспитанием людей. Хороший состав людей облегчает мою работу.

Бои ведем на украинской земле, на среднем течении Днепра. Теперь имею хорошее представление об Украине и понимаю, почему фашисты так упорно лезут сюда. Край богатый. За два года впервые вдоволь ел огурцы, помидоры и др. овощи. Изредка приносили даже яблоки. Так что у нас все есть, нужды нет ни в чем. Люди ухитрялись и при немцах прятать все необходимое и пользоваться им после освобождения.

Вчера похоронили несколько своих бойцов, которые, вырвавшись далеко вперед, попались в руки гитлеровцев и на глазах у мирных жителей были живыми брошены в огонь. Немцы быстро отступают. Мы дошли до Днепра. Да, долго кусали и тревожили «русского медведя», нарушая его покой, наконец он встал на дыбы и начал бить, да так здорово, что душа радуется!

Наши успехи действительно радуют душу. Раньше я о жизни никогда не думал, как-то безразлично относился к смерти. А теперь, когда близок конец войне, не хочется умирать, хочется жить и работать! Ведь интересный начнется период после войны — большое будет поле для работы.

Ну, кажется, все, пока до свидания, мой дорогой. Твой брат Борис. 26.09.43.»

К. Х. ХАЙРОВ

Мытищи, Московская область.

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Чем дальше уходит от нас сорок первый год, тем больнее отзывается он в сердце. Мой отец погиб в самые первые дни войны.

Мы с сестрой остались без мамы в 1947 году, маленькие, папу совсем не помним. Но выросли благодаря людям и родным. Обе работаем более двадцати лет в школе. У меня уже взрослые сын и дочь—19 и 16 лет. Мой отец — самый строгий незримый судья для меня и моих ребят.

Нынче с дочерью мы ездили на могилу еще одного дедушки, отца моего мужа. Стояли у обелиска (недалеко от Калуги) и пытались представить дедушку, 27-летнего, молодого, сильного. Мой папа погиб тоже 27-летним. Разве можно восполнить эту утрату!..

Проехали мы той дорогой, где, может быть, погиб мой отец. С трех часов ночи я не отходила от окна в вагоне, ждала Оршу. Знаю точно, что он погиб в Белоруссии.

Папа до войны был учителем географии в Артынской средней школе Омской области. Незадолго до войны его призвали в ряды РККА. Мама получила от него единственное письмо, написанное 23 июня. На конверте обратного адреса нет, а на штампе хорошо заметно: «БССР, г. Орша, Витебская обл.». Мама это письмо переписала дословно. Вот оно.

«Здравствуй, Аня!

Когда проезжал мимо Ртищева, то остановка была небольшая, и забежать проститься не было времени.

Живем в роскошном сосновом бору, кушаем сытно, работы хватает, спим на свежем воздухе.

Живем весело. Живы и здоровы. О нас не заботьтесь. При первой возможности напишу. Поцелуй малышек.

Крепко любящий Вас Николай».

Вот и все письмо. Мама его получила 6 июля 1941 года. Хорошо помню, что у нас над маминой кроватью (мы переехали в Сибирь в 1943 году) висела карта вместо ковра. Что-то мама на ней отмечала. На столе громко тикали папины часы, стояла красивая коробка из-под папирос. Все напоминало об отце.

Хорошо помню 9 Мая. В доме было много людей. Плакали все, потому что на фронте погибли четыре зятя моей бабушки. Одиннадцать внуков не знают слова «папа». Таков итог войны только в одной семье.

Помню, как мы, детвора, бежали к соседям: у них отец пришел живой. Завидовали, а он не прожил и года: умер от ранения в легкое. Да разве один он!! Сейчас ветеранов осталось не так уж много. Когда я вижу человека с орденскими планками и нашивками на груди, говорящими о боевых наградах и ранениях, хочется этому человеку сказать никогда не сказанное: «Папа!»

Посылаю вам дорогую для меня фотографию. Папу звали Николай Александрович Базилевский.

Г. КАЗАНЦЕВА

с. Красноусово, Омская область.

В СИРИИ

А. СОФРОНОВ

В самом конце января 1980 года, следуя из Бейрута в Москву, я прочел опубликованные в газете «Правда» выступления члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Сирийской Арабской Республики А. Х. Хаддама. В речи А. А. Громыко было сказано:

«Кто занимает открыто вот уже в течение 12 лет антиарабскую позицию в попытке закрепить за Израилем захваченные им у арабов земли? Это делают США, это линия американской администрации. Предательская по отношению к арабам сделка в Кэмп-Дэвиде лишь подчеркивает это, так как Египет в целом оказался пристегнутым к американо-израильской колеснице.

Кто лишил почти четыре миллиона палестинских арабов земель и очагов, кто оставил их без куска хлеба, заставив испытывать огромные страдания? Кто мешает осуществлению арабским народом Палестины его неотъемлемых прав, и прежде всего права на создание собственного независимого государства? Это делает Израиль с благословения и при активной поддержке Вашингтона».

В ответной речи А. Х. Хаддам сказал: «На первом месте в планах сил империализма, сионизма и египетского режима стоит, несомненно, стремление ухудшить отношения между арабской нацией и Советским Союзом, что позволило бы им добиться нескольких целей. Во-первых, лишить арабов их друга, неизменно поддерживавшего арабские страны в их борьбе против израильской агрессии и в других делах. Во-вторых, окружить Советский Союз и подорвать его авторитет в странах «третьего мира», что позволило бы империализму втянуть их в свою орбиту, подорвать их независимость и прогресс. Чем иначе можно объяснить нынешнюю кампанию империалистических, сионистских кругов и садатовского режима против Советского Союза, в ходе которой они муссируют события в Афганистане, хорошо зная, что тот, кто стоит за ислам, не должен предоставлять огромную помощь Израилю, который оккупирует священный для мусульман город Иерусалим, изгоняет со своей земли народ Палестины, оккупирует арабские территории и сеет разрушения на юге Ливана».

Как известно, визит А. А. Громыко в Сирию и советско-сирийские переговоры стали новым вкладом в укрепление дружбы и сотрудничества между двумя странами. Об этом свидетельствовала и дамасская пресса. Газета «Аль-Баас» писала: «Визит А. А. Громыко прошел в атмосфере прочной дружбы, связывающей Сирию и Советский Союз. Этот визит имеет особое значение в наши дни, когда силы империализма, сионизма и реакции предприняли новый натиск на Ближнем Востоке, когда они ставят под угрозу мир во всем мире. Успешные переговоры А. А. Громыко и президента Х. Асада являются важным этапом на пути развития плодотворного советско-сирийского сотрудничества. Проведенные во время переговоров политические консультации свидетельствуют о совпадении точек зрения руководства Сирии и Советского Союза по важнейшим проблемам международного положения».

Такие же положительные отклики были напечатаны и в других арабских газетах, в частности в бейрутской «Ан-Нида»: «СССР и Сирия в совместном коммюнике, опубликованном после окончания официального визита А. А. Громыко в Дамаск, отмечают, что так называемая нормализация египетско-израильских отношений противоречит основным чаяниям арабской нации, и подтверждают свое намерение неустанно бороться за достижение справедливого и длительного мира на Ближнем Востоке, основанного на выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий, включая арабскую часть Иерусалима, и удовлетворение законных национальных прав арабского народа Палестины. Стороны недвусмысленно заявляют, что Афганистан вправе защищать себя от происков империализма, являющегося врагом ислама и исламских государств, подчеркивают законность требований и прав иранской революции и иранского народа».

Встреча в Дамаске действительно явилась большим событием, вдохновившим арабский мир, всех наших друзей-арабов.

Сейчас мне снова вспоминается XII всеарабский съезд писателей, который проходил в конце прошлого года в Дамаске. Неделя, прожитая в Сирии, встречи, которые остались в памяти, были свидетельством дружбы и уважения к нашей стране и сирийских писателей и писателей других арабских стран, с которыми судьба свела нас в Дамаске.

Первая встреча в Дамаске произошла с Абдаллой аль-Ахмедом, человеком, которому поручено большое и важное дело — воспитание молодежи. Писатель и художник, вышедший из рабочего класса, он с одиннадцати лет начал свою трудовую жизнь, познал феодализм, что называется, на своей судьбе. Отец научил его читать. Дальше уже сама жизнь повела Абдаллу аль-Ахмеда по сложным дорогам борьбы сирийского народа за свою независимость. Он говорит:

— Жизнь — это истина. Этому меня научили слова Ленина. Я запомнил его замечательные слова о том, что всегда надо учиться. Мы взяли курс на всестороннее обучение молодежи. Пятнадцать тысяч учителей воспитывают нашу молодежь и дают ей всестороннее развитие. Особое внимание мы уделяем пионерам. Нам кажется, что главное — привить им правильный взгляд на жизнь, любовь к родине, любовь к свободе и, конечно же, уважение к родителям. Быть дисциплинированными, участвовать в общественной жизни.

Конечно, каждый народ воспитывает своих детей по-своему. У наших детей много общего с детьми Советского Союза. Вообще же мы считаем, что все дети мира стоят в одном ряду. Важно еще и то, какие люди воспитывают молодежь, какую песню они поют сами. Мы думаем о том, чтобы история не только нашего народа, но и других народов была понятной каждому ребенку, чтобы он нес как бы ответственность и перед тем, что прожито его народом, и перед тем, что каждого из детей ожидает впереди.

Сирия — бедная страна. Мы прошли тяжкие уроки борьбы с арабскими феодалами, с империалистической буржуазией, окопавшейся у нас. Они, богатые люди, переводят богатство страны в ковры, алмазы, хрусталь, не заботясь о будущем своего народа. Нам же надо бороться за то, чтобы полностью освободить свою землю, воспитать ненависть к эксплуататорам, грабящим нашу родную землю.

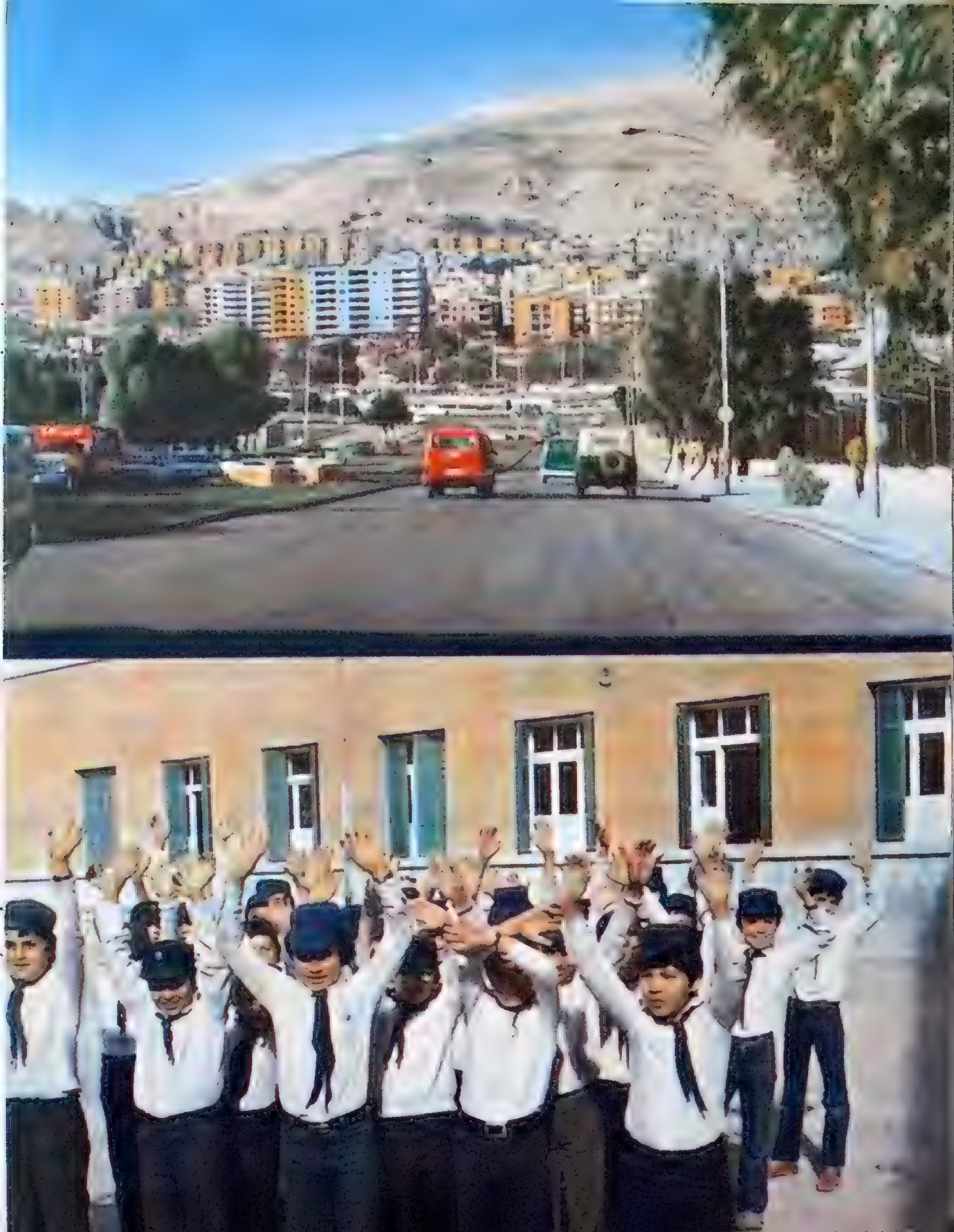
Некоторая часть нашей молодежи выезжает на обучение за границу, в буржуазные страны. И мы, честно говоря, беспокоимся за их воспитание там, среди этого мира, разлагающего наших юношей и девушек. Конечно же, в какой-то степени это вызывает противоречия между теми молодыми людьми, которые живут у нас, и теми, которые порой впитывают буржуазные идеи. Скажу вам прямо: переход от частного к общественному — самая большая проблема в нашей стране. Поэтому особенно важна вера, которую мы обязаны воспитывать. У нашей молодежи должны быть определенные убеждения. Вот поэтому проблема воспитания является одной из главных в нашей жизни. Вы не устали от моего монолога? — спросил мой собеседник.

— Да нет, что вы?! Это знакомит нас с основами воспитания вашей молодежи.

— Да, это действительно нас всех беспокоит. Но я надеюсь, что вы повидаете наших школьников и пионеров. Мы воспитываем в них антиимпериалистическую, антисионистскую идеологию. Молодежь должна быть носителем революционных идей. Перед нами стоит задача индустриализации нашей страны. Мы должны знать, кто будет управлять машинами. Плохой человек не имеет права на это. У нас должны быть новые люди. Основа общества — человек, личная по-

Дамаск ❊ В школе закончился урок физкультуры. НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Нидаль — студентка Дамасского университета ❊ Здесь все учатся ❊ Дорогой в университет ❊ В школе музыкальный урок ❊ Дети Дамаска.

зиция каждого. Если у людей будет отрицательное отношение к своему обществу, общество может быть разрушено. Могу добавить: и мне лично и моим товарищам по работе во многом помог опыт Советского Союза, мы также знакомимся с воспитанием молодежи в Германской Демократической Республике, во всех странах социализма. Мне приходилось не один раз бывать в Советском Союзе. У вас очень интересный опыт пионерского движения. Познакомился я и с ПТУ. Мы многое переняли для себя из опыта ПТУ. И нашим руководителям, которые прошли курсы, рассказываем об этом опыте, всем научным работникам, психологам, просто воспитателям.

...Мы долго сидели в кабинете этого удивительно симпатичного человека, а затем отправились в одну из школ, где воочию увидели, как разносторонне воспитывается молодежь. Во дворе школы ребятишки в синих галстуках занимались физической подготовкой. У каждого из них было свое движение, которое они отрабатывали резко, по команде. Лица пионеров были веселыми, живыми, движения — энергичными. Потом по команде преподавательницы они вдруг подняли руки вверх и дружно зааплодировали. В другом конце двора шли музыкальные занятия. Там были преподавательница и человек двадцать школьников с аккордеонами в руках. Они пели, аккомпанируя себе. Здесь же, на веранде, сидели немолодые женщины, перед ними лежали книги. Женщины с интересом смотрели на пионеров. Следует сказать, что в Сирии сейчас идет напряженная борьба с неграмотностью. И молодежь и люди старшего поколения делают все для того, чтобы страна стала грамотной.

...В один из пасмурных, непогожих дней делегаты писательского съезда отправились в город Кунейтру, расположенный в пределах Голанских высот. Шел дождь. Клочками висел туман. По узкой дороге неторопливо ехали наши машины. Впереди, вдали возникла едва видимая горная цепь. Вдруг неожиданно из-за поворота показалось одно разрушенное здание, другое, третье. Мы миновали шлагбаум, около которого стояли солдаты войск ООН. Как-то внезапно увиделись кварталы разбитых, разрушенных, покалеченных, почти нигде не опаленных огнем служебных зданий, маленьких и многоэтажных домов. Возле забора сидела тощая собака. Наша машина была наполнена грустными арабскими мелодиями, лившимися из радиоприемника. Я взглянул на Мухаммеда, нашего шофера. У него было ожесточенное лицо. Он коротко сказал:

— Вы видите? Эти дома не были взорваны, они уничтожались бульдозерами, любыми средствами, чтобы город Кунейтра исчез с лица земли, перед тем, как израильтяне вынуждены были уйти отсюда. Здесь до израильской границы полтора километра.

Еще один поворот, и мы остановились метрах в двухстах от демаркационной линии. Дождь прошел. Деревья трепетали под ветром. Впереди виднелись израильские казармы, над которыми был поднят израильский флаг.

— Вы посмотрите,— проговорил Мухаммед,— это огороды. Люди здесь уже не живут, но это их земли, они все еще собирают овощи на своих бывших участках. Впрочем, здесь не только сирийские огороды. Вон там, за той чертой, уже израильтяне собирают плоды на нашей земле. Когда-то тут были виноградники. Сейчас их нет... Здесь еще живет одна старушка. Не желает уезжать из Кунейтры... Совсем одна. Наши солдаты дают ей пищу. Она сказала, что хочет умереть в своем доме. Так и живет...

Повернув от демаркационной линии, мы снова попали в туман, в котором еле виднелись фигуры сирийских солдат. Возле одного из разрушенных домов машина остановилась.

— Это был госпиталь,— сказал Мухаммед.

— Неужели госпиталь?

Мы ходили по лестницам, изломанным, разбитым, видели в проемы пустых окон другие такие же дома. Все оборудование было отсюда изъято. Вандализм, варварство — иначе трудно было оценить все то, что предстало перед нашими глазами.

— Раньше здесь была греко-православная церковь, но и в ней все уничтожено и вывезено.

Возле небольшого кирпичного здания машины остановились. Мы вошли в домик, где представитель губернаторства рассказал, что в Кунейтре было раньше.

— Наш город, несмотря на то, что разрушен, будет стоять и будет возрожден, чего бы это нам ни стоило. Здесь недалеко шли танковые сражения. Танк на танк. Все поля засыпаны осколками снарядов. У израильтян танки были американские. Вот они-то и ворвались в Кунейтру. С этого момента и началось уничтожение города.

Мы сидели в теплой комнате, обогреваемой газовой печкой. Все были подавлены только что увиденным. Кто-то из писателей спросил:

— Что же это?

Другой писатель ответил:

— Суперфашизм.

Представитель губернаторства сказал:

— Государство, которое занимается казнью культуры, заслуживает такой же казни.

Молчаливыми возвращались мы в Дамаск. Где-то уже на подъезде к городу Мухаммед сказал:

— А та старушка, оказывается, совсем недавно умерла...

Интересной была встреча в Дамаске с одним из руководителей Сирии — Мухаммедом Джабером Баджбуджем. Он энергично пожал нам руки и сказал, что рад видеть советских писателей здесь, на всеарабском съезде литераторов.

— Мы знаем, что Советский Союз всегда вместе с нами в нашей борьбе против империализма и сионизма. Мы, конечно, находимся в трудном положении. У наших врагов единая цель — подавить стремление народов к свободе, подавить наше желание создать единое, свободное, независимое общество. С полным правом мы называем империализм и сионизм неонацизмом. Советский Союз совершил огромный подвиг, разгромив Гитлера и нацизм. Мы знаем, что двадцать миллионов советских людей отдали свои жизни, но, несмотря на жертвы, СССР выстоял, укрепился и является прекрасным примером мужества и стойкости. Конечно, мы не так много потеряли по сравнению с Советским Союзом, но до сих пор остаются захваченными наши земли, до сих пор палестинцы не имеют своего государства, а сама Палестина оккупирована. Своим друзьям я могу сказать откровенно: мы несем большие тяготы в борьбе с врагом. Мы с вами — друзья, между нами нет противоречий. И мы с горечью говорим о предателях арабской нации, которые в Кэмп-Дэвиде пошли на сговор с Соединенными Штатами Америки и Израилем. Я прямо скажу вам, мы рады, что советское оружие находится в руках наших солдат. Некоторые пытаются играть на этом. Но из этого ничего не получится. Нам известно, какие грязные дела делают Соединенные Штаты и другие империалистические государства. От нас никто не скроет одну из главных целей американского империализма и израильских агрессоров: ослабить позиции Сирии, всех арабских народов, ослабить позиции тех, кто сопротивляется. Наши враги, конечно, люди хитроумные, но им не разрушить нашу братскую дружбу с Советским Союзом. Они пытаются своей клеветой не только нанести удар по Сирии, но, как говорится в нашей пословице, убить двух птиц одним камнем, убить всякую мысль в арабском сознании о дружбе Советского Союза с арабами. У нас есть пословицы, близкие с вашими: умрем стоя, как деревья. Но мы не собираемся умирать, мы не отступим. У нас свои принципы. Один из них — братская дружба с Советским Союзом, с которым мы всегда будем стоять рядом. Перед нами примеры: Вьетнам, Лаос, Кампучия... Мы у них берем уроки стойкости и мужества, мы берем уроки стойкости в нашей истории. Более четырех веков наш народ был под ярмом турецких захватчиков. Затем были французы, англичане. И все-таки мы пришли к победе. Некоторые из наших врагов думают, что они вернутся к своим, как у нас говорят, старым тетрадям. Нет, этого не случится. Этих тетрадей для них уже нет.

Сейчас мы находимся у власти. Поэтому нам легче бороться. Мы отвечаем на логику угроз нашей старой мудростью: если ты не будешь существовать, будет существовать твой враг.

И еще раз хочется сказать о том, что арабские народы питают чувство признательности и дружбы к советскому народу. В одном вашем фильме герои говорят: «Давайте встретимся в шесть часов вечера после войны». Это в фильме, а нам — чтобы всегда быть вместе. Любая победа — и наша и ваша — это наша общая победа.

С огромным интересом слушал я искренний, сердечный монолог, стараясь не прерывать его, ибо все, что говорил Мухаммед Джабер Баджбудж, было близко и нашим сердцам.

...И снова вспоминается Дамаск, гостеприимство наших друзей, сирийских писателей.

В заключение съезда они организовали фестиваль поэзии. Многие делегаты съезда приняли участие в двух поэтических вечерах. Звучали стихи поэтов Алжира, Палестины, Ливана, Бахрейна, других арабских стран. В Дамаске я написал стихи, которые там же на арабский язык перевел замечательный египетский поэт Абдаррахман аль-Хамиси. На вечере поэзии мы прочли их на русском и арабском языках:

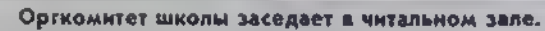
Да здравствует Дамаск,
Солнцем пронзенный насквозь!
Да здравствует Дамаск,
Винограда теплая гроздь!
Да здравствует Дамаск,
Готовый к труду и бою!
Да здравствует Дамаск
И небо над ним голубое!
Да здравствует Дамаск —
Героев великих примеры!
Да здравствует Дамаск,
Его поэты и пионеры!
Да здравствует Дамаск,
Его многоцветье земное!
Да здравствует Дамаск,
Что вечно в сердце со мною!
Да здравствует Дамаск,
Героизмом навек прославясь!
Да здравствует Дамаск,
Рождающий юных красавиц!
Да будет жить Дамаск,
К небу и вширь тянуться!
Да будет жить Дамаск,
Идущий дорогою революции!
Прими же, Дамаск,
Наше братство и дружбу!
Никто, никогда
Их нигде не нарушит!
Да будет жить
И цвести Дамаск
В памяти нашей,
в сердце вечно у нас!

В центре Дамаска * Развалины Кунейтры.

НА СТЫКЕ НАУК

Оргкомитет школы заседает в читальном зале.

И. МИХЕЕВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

В пансионате «Звенигородский» на доске, где обычно висят объявления об экскурсиях,—список научных докладов. Здесь, в живописном Подмосковье, в эти дни работала первая всесоюзная школа «Актуальные проблемы медицинской биофизики», организованная Академией наук СССР и ЦК ВЛКСМ.

Сегодня вместе собрались ученые не только Москвы, но и Новосибирска и Махачкалы, Петрозаводска и Оренбурга, Ленинграда и Ростова-на-Дону, Ашхабада и Риги. Выступали здесь медики и физики, химики и биологи, математики и фармакологи. В холлах во время перерывов можно услышать научные термины всех областей знаний.

Эмблемой школы не случайно стал рисунок гениального художника-гуманиста и ученого-экспериментатора Леонардо да Винчи, изображающий строение человека. Ведь отечественная медицинская биофизика — это прежде всего гуманная забота об охране здоровья человека.

Мы беседуем с научным руководителем этого форума членом-корреспондентом Академии наук СССР Л. А. Пирузяном. Его с полным правом можно назвать основателем нового научного направления. И именно он основал в Купавне под Москвой крупнейший Междуведомственный научный центр по биологическим испытаниям химических соединений АН СССР и Министерства медицинской промышленности СССР. Это министерство очень помогло и в организации школы.

— На первый взгляд может показаться странным, что проблемами одной науки занимаются исследователи разных областей, — рассказывает Лев Арамович.—Однако сочетание и стыковка научных методов приводят к познанию совершенно новых, неизвестных процессов, происходящих в здоровом и больном организме как в целом, так и на клеточном и даже молекулярном уровне. В создание нашей синтетической науки вложили труд ученые различных специальностей. И, конечно, как и в любой современной науке, математика сказала свое веское слово. Например, разработаны алгоритмы, с помощью которых обрабатывается вся информация. Электронно-вычислительные машины и сложные кибернетические приборы позволяют устанавливать химические свойства различных веществ. А свойства эти могут оказаться весьма опасными для человеческого организма.

Я прошу Льва Арамовича рассказать о центре, который он возглавляет. Зачем создан этот новый институт? Что уже успели сделать ученые?

— Почти все мы, к сожалению, пользуемся лекарствами, и лекарственные препараты должны быть эффективными и безопасными,— рассказывает ученый.— Их цель —

Книги, книги..

помочь, но при этом ничего не нарушить в организме. Безопасными должны быть и химические соединения, с которыми человек встречается на производстве и в быту. В нашей стране синтезируется около сорока тысяч различных веществ и соединений в год. По старинке проверить их невозможно. Для решения новых задач создана комплексная научная программа, которую по масштабам можно сравнить разве что с глобальной программой освоения космоса. Для этой цели организован и наш Центр по биологическим испытаниям.

Создать его нам помогли всемирно известные ученые академики Мстислав Всеволодович Келдыш, Владимир Алексеевич Кириллин, Юрий Анатольевич Овчинников, Николай Николаевич Семенов, Николай Маркович Эмануэль... Кстати, не все они имеют отношение к биологии.

Жизнь устроена так, что человек подвергается воздействиям самых разнообразных факторов: на него влияют окружающая среда, звук, свет, магнитное поле, он пользуется бытовой химией,—продолжает ученый. — Поэтому воздействие всех этих факторов так тщательно изучается исследователями. Например, Институт электросварки имени Е. О. Патона Академии наук УССР ищет новые сварочные аэрозоли, кропотливо подбирает их, причем так, чтобы они обладали хорошими эксплуатационными данными, не представляя опасности для человека и окружающей среды.

Вредные для человеческого организма свойства могут проявиться совершенно неожиданно. Так, химическое удобрение может быть нетоксичным само по себе, но в сочетании с другими веществами — вредным. Автоматизированная линия должна будет пропускать через свое аналитическое сито весь этот громадный массив.

Очень непросто сказать новое слово в науке, неизмеримо труднее создать новое научное направление. Но ученые справились с этой задачей. Первый этап состоял в выработке методик.

Потом пришел черед организации шестидесяти пяти лабораторий в Центре по биологическим испытаниям. Для работы пригласили ведущих специалистов и совсем молодых ученых. Из передовых методов отбирали лучшие, они охватывают весь массив испытываемых веществ с точки зрения анализа их генетических, канцерогенных, мутагенных, аллергенных и других свойств.

В результате родилось направление, которое можно назвать так: научно-технологические принципы создания автоматических испытательных систем. В его создании велика роль доктора физико-математических наук Г. М. Баренбойма и доктора биологических наук А. Г. Маленкова.

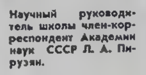
В новом подмосковном центре сделан целый ряд интересных работ, в частности, В. К. Подымовым и С. П. Гладких изучена ранее неизвестная область молекулярной фармакологии. И уже есть первые результаты — лечение больных красной волчанкой. Создан психотропный препарат на основе солей лития, антиукачивающее средство «Элегам» и другие. Они прошли в институте полный цикл — от поиска препарата до применения в клинике.

После каждого заседания идет оживленный обмен мнениями.

Научный руководитель школы член-корреспондент Академии наук СССР Л. А. Пирузян.

Доктор физико-математических наук А. М. Жаботинский.

Исследования на молекулярном уровне помогают создать новые эффективные методы лечения. Например, В. Н. Сахаров из Института химической физики и другие ученые разработали метод светолечения новорожденных, больных желтухой. Он позволяет предотвращать различные патологические состояния детского организма, которые могли бы привести к поражению мозга и даже смерти. Лечение дает хорошие результаты. Но, к сожалению, установки эти пока никто не производит.

С интересным докладом, имеющим практический интерес, во время школы выступил молодой ученый, доктор физико-математических наук Анатолий Жаботинский. Он говорил, в частности, об отборе сердечно-сосудистых препаратов. Он ведется теперь на основе исследований группы ученых, представленных на соискание Ленинской премии 1980 года. Анатолий Жаботинский — один из них.

...Да, было о чем поговорить ученым. Даже в лесу на слаломном склоне не прекращались оживленный обмен мнениями, споры... В ход шли подручные средства: ветки и лыжные палки, а на снегу так хорошо было чертить формулы, совершенно непонятные непосвященным. И кто знает, может быть, там, в Звенигороде, зародилась не одна новая научная идея, которой суждена большая жизнь...

Еще одна формула, на этот раз на снегу.

НЕ ОБИЖАЙТЕ КЛАССИКУ

Уважаемая редакция! Наверное, не я одна, а многие зрители размышляют над увиденными в последнее время телевизионными спектаклями и фильмами. Иные вызывают явное чувство неудовлетворенности, досады, огорчения, особенно если на экране возникает произведение большой литературы, произвольно перекроенное на иной лад...

Хочу напомнить о зрелище (не подберу другого слова) по роману аббата Прево «Манон Леско». Казалось бы, телезрителей должна была порадовать встреча с произведением, повествующим о большой, глубокой, страстной любви, о людях прошлого, которые сумели преодолеть многое на том тернистом пути, каким стала их любовь. Но что же мы увидели на экране? Всего лишь весьма шумную — часто шумную чересчур! — историю некой интимной связи, притом бойко разыгранную... Слезы обильно текут по лицу героя и героини, но они не трогают сердце, ибо герои проливают их, следуя весьма несложной сюжетной схеме сценария. От актеров вроде бы и не требуется постижения той истинной духовности, которая для автора романа — главное в этой любви.

И вот возникает вопрос: разве нельзя было, осуществляя благородный замысел Прево, так передать его в постановке, чтобы любовь, преобразующая душу героев, заставила сопереживать миллионы телезрителей? А для этого мало дать роли красивым — и даже очень красивым — актерам. Для этого требовалось нравственно осмыслить произведение, правильно показать эпоху — то далекое, в данном случае жестокое время, когда все покупалось за деньги, когда и сама Манон была предметом купли-продажи... Ведь бывает же так, что телезритель верит тому, что говорят ему герои экрана,— достаточно напомнить недавно прошедший по телевидению грузинский фильм «Берега», сложные переживания Даты Туташхиа...

Всегда, во всех случаях, когда большой духовный посыл удачно, верно раскрывается актерами и всем коллективом постановки, незамедлительно следует благодарная, горячая зрительская реакция!..

А вот еще одна неудача: телеспектакль «Художник из Шервудского леса», где знаменитый Робин Гуд, воспетый многими балладами «благородный разбойник», храбрый защитник обездоленных, показан в той же бездуховной манере, бедной содержанием, поверхностной.

Создатели этого зрелища, быть может, скажут, что они и не ставили перед собой задачу серьезного, глубинного постижения времени и характера Робин Гуда, а именно развлекали, забавляли зрителя, подобно тому, как это было в «Мушкетерах»...

Ну что ж, создать спектакль веселый, радостный — дело хорошее. Но задача решена только в том случае, если при этом не искажается всем памятный образ бессмертного произведения. Если наше представление о произведении сломлено, нарушено, то чего же достигает постановка? Что несет миллионам телезрителей — правду чувств или разочарование?.. Не надо обижать классику.

А чего стоит недавнее «Сватовство гусара», якобы «представившее» зрителям старинный водевиль Н. А. Некрасова!

И опять удивляешься: да как же мог замечательный, известнейший артист (играющий ростовщика) дать свое согласие на участие в этом действе...

В. ПЫРЕНКОВА.

Москва

ОРЕНБУРГСКИЙ СУВЕНИР

Михаил ТРУТНЕВ

●

Затуманились зарницы,
Дуют ветры-степняки.
Вяжут, вяжут пуховницы
Оренбургские платки.
Ах, платочек, мой платочек,
Весь в узорах уголочек
И белее ковыля
Распушистые поля!
В зимний день, в студену пору
Оренбургский наш мороз
Расчудесные узоры
На платочек перенес.
Носят в холод и в метели,
В зимний вечер-вечерок
Премированный в Брюсселе
Оренбургский наш платок.
Распушистый, распригожий,
Его знает целый мир.
И в Париже носят тоже
Оренбургский сувенир.
И ненастною порою,
Где туманы нередки,
Носят в Лондоне зимою
Оренбургские платки.
В целом свете люди рады
Рукоделью мастериц.
И далекая Канада
Хвалит русских пуховниц.
Ой, кружись, кружись, клубочек,
Завивайся в петли, нить.
Я свяжу себе платочек,
Чтобы к милому ходить.
Пусть метель гудит и кружит,
Обжигает ветерок,
Обогреет меня в стужу
Мой узорчатый платок.
Выйду, сяду на крылечко,
Песню новую спою.
Пропущу я сквозь колечко
Паутиночку мою.
Под баяна переборы
На окошко я гляжу,
Все морозные узоры
На платок перевяжу.
Паутинки снеговые
Для девчат и молодиц
Вяжут руки золотые
Оренбургских пуховниц.
Чтобы были всех красивей
И не зябли средь зимы,
Каждой женщине России
В дар платочек свяжем мы.
Вейся, пряжа, тонко-тонко
Паутинкой снеговой.
Лейся, наша песня, звонко
Про платочек пуховой.

СЫНОВЬЯ

«Космонавты» спать ложатся
поздно:
Им мечта покоя не дает.
Деревянный лайнер свой
межзвездный
Скоро они выпустят в полет.

В небе еще много неоткрытых
Звезд, планет, туманностей
и сфер.
Но он скоро выйдет на орбиту,
Межпланетный красный «Пионер».

Он взлетит стремительно со старта
Под грачиный гомон детворы.
И тогда ученые на карты
Нанесут далекие миры.

...«Космонавты» спят, раскинув
руки,
Утомясь от всяческих забот.
Будущие рыцари науки,
Смелый, героический народ.

К переносью сдвинуты упрямо
Мотыльки нахмуренных бровей.
Одеяло поправляет мама
И глядит, глядит на сыновей.

Мне, конечно, в жизни
не придется
Над звездою дальнею парить.
И все то, что космосом зовется,
Не изведать мне и не открыть.

Не узнаю тайн за небесами,
Марсиан не повстречаю я.

Но моими жадными глазами
Этот мир увидят сыновья.

В НОЧНОМ

Степь в ночи кострами светит,
Стонет птица в ковылях,
Нет вкусней еды на свете
Той, что спеет на углях.
Пропеченная картошка
Жжется — в руки не возьмешь,
Дуешь, студишь на ладошках,
Корку жареную мнешь.
Тут не надо долго стряпать,
Кулинария проста —
Ешь рассыпчатую мякоть,
Ужин прямо из костра.
Без столов и без скамеек,
Лежа, сидя, на боку —
Все равно, кто как сумеет
Примоститься к огоньку.
У костра рассказ заводят,
Лишь табунщик на ногах:
По траве росистой ходит
В отсыревших сапогах.
Дед седой к костру подсядет,
В углях роется клюкой,
Внуку голову погладит
Темной жилистой рукой.
Ночь в степи сгустила краски,
Спать давно уже пора...
— Доскажи, дедуся, сказку
Ту, что сказывал вчера!

— Что, пострелы, вам не спится?
Уж мне эта детвора!..
И кричит ночная птица:
«Спать пора, спать пора».

СОЛОВЬИ

Кто вложил в них эту душу,
Что поет на все лады?
Соловьев люблю я слушать,
Затаившись у воды.

Над рекою у опушки,
Где, как изморозь, роса,
Трели крохотной пичужки
Слышат долы и леса.

Даже месяц, сын пастуший,
Плесом выплыл, где куга,
Навострил он, словно уши,
Золоченые рога.

На лугу затихли кони,
Замолчал в болоте хор.
И на хуторе гармони
Оборвали перебор.

Просто за сердце хватает
Наш бессребреник-певец.
В звонком горлышке катает
Стоголосый бубенец.

«ТЕЗКА»

Выстрел грянул нежданный,
резкий.
Был он выверен, тороплив.
Мать-лосиха легла в подлеске,
А лосенок остался жив.

И прижился он на кордоне,
Стал ручным заповедный зверь,
Брал без страха хлебец с ладони,
Заходил без боязни в дверь.

И, должно, осознал впервые,
И, должно, уяснил он здесь —
Попадаются люди злые,
Но и добрые люди есть.

— Только, видишь, в одном
загвоздка,—
Мне кивает объездчик-дед.—
Лось тебе будет вроде тезка.
Обижаешься или нет?

— Не обидчив я, дед, отроду,
Ты не думай, не осержусь.
Правда, Мишка другой породы,
Но коль тезка, так тезка пусть...

...Через год на кордоне снова
Побывать как-то мне пришлось.
— Как мой тезка?
— Живой, здоровый.
Полюбуйся — матерый лось.

Почки лип набухали туго
И, взрываясь, пускались в рост.
Ночью гуси летели с юга,
Гогоча возле самых звезд.

Мягче стали цвета заката,
Половодьем гудел Урал.
Часто в лес уходил сохатый,
А однажды совсем пропал.

— Отгостился найденыш. Крышка.
Воля-вольная верх взяла.
Не вернется из леса Мишка,
У него там свои дела.

...Утром стыла на листьях роса —
Значит, будет денек горяч.
Где теперь ты гуляешь, тезка,
Губошлепый игрун-рогач?

ОКНАМИ НА ЗАРЮ

Вот он, дом мой — широкий двор.
Я на зависть его сотворю,
Чтобы был в нем и свет
и простор,
Чтобы окнами был на зарю.
В нем тенет не соткут пауки.
Радость жизни в нем первый
гость.
Пусть же ветры, не сквозняки,
Продувают его насквозь.
Ни к чему мне лебяжий пух,
В нем заводится моль и пыль.
Пусть постелью мне станет луг,
А вдали пусть шумит ковыль.
До чего же мой чуток сон —
Слышу, с сеном плывут возы,
Словно брагу, я пью озон
После синей степной грозы.
Я ко встрече друзей готов,
Их я жду в этот дом давно
И для них всех семи цветов
Я из радуг налью вино.
Если с болью придет, с бедой
Кто-нибудь из моих земляков,
Напою я живой водой
Из подкаменных родников.
Нет. Без музыки жизнь темна,
Но в просторном моем дому —
Ты послушай! — звенит луна,
Плещет речка в седом дыму.
Ветер трогает струны трав,
Зачарованный трелью птиц,
Он приносит, в себя вобрав,
Шепот леса и звон пшениц.
Ставит ветер лист на ребро,
Гонит вдаль облаков стада.
Он рябит ручейка серебро,
И поет в тишине вода.
Много песен в дому моем,
И я с радостью говорю:
Заходите, друзья, в мой дом,
Вместе будем встречать зарю.

Оренбург

Петр ПРОСКУРИН

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

С год назад Олюшка привезла матери небольшой подержанный телевизор, дешево купленный в комиссионке; привезла, сама поставила, вытянула на крышу антенну, на диво умело приладила для нее длинный шест, что-то повертела, поколдовала, и чертова машина, как окрестила ее Степанида, мать Олюшки, матово засветилась, зафыркала, а затем кто-то загоготал, по светящемуся стеклу побежали непутевые косые рожи; телевизор заработал. Олюшка повертела у телевизора еще какие-то колесики, рожи выправились, стали похожи на привычных людей, и Олюшка, прихлопнув по чертову ящику ладонью, засмеялась.

— Вот, мам, забава тебе, — сказала она, — будет тебе теперь нескучно одной. Иди сюда, гляди, вот этот шпунтик. Раз его — и готово! А назад вертанешь — выключится. Попробуй сама, не бойся...

— Господь с тобой, доченька! — отбивалась от нее Степанида. — У меня вон куры, собака, порося... огород вон... Разве я одна? Когда мне скучать? Когда мне на эти рожи пялиться? Господь с ними, мне без того веселее веселого... Куды там!

Олюшка все-таки заставила мать несколько раз щелкнуть включателем, пощебетала еще что-то да и укатила назад; уродилась же такая отчаянная девка — сорвиголова, вздохнула ей вслед Степанида да с тем и осталась.

К телевизору она, конечно, с той поры и не подходила, занавесила его красивой, вышитой накидкой, все-таки дорогая вещь, зачем на него будет пыль зря садиться, думала она, протирая экран телевизора мягкой тряпочкой от пыли и от мушиных следов.

Вторично Олюшка прикатила почти через год, перед пасхой, не предупредив ни одним словом и обрушившись как снег на голову; Степанида как раз готовилась нести корм поросенку и еще подумала, что это соседка кума Анисья зачем-то пришла, когда на крыльце загрохотало. Она подняла голову и ахнула: перед нею с обрезавшимся лицом, с какими-то чужими, запавшими глазами стояла Олюшка.

— Доченька, ах ты господи, — перекрестилась Степанида. — Никак беда с тобой какая, а?

Олюшка ничего не ответила, стянула с себя легкий платок, как-то безразлично ткнулась губами в щеку матери, прошла, села на лавку возле стола.

— На недельку отдохнуть приехала, — сказала Олюшка, равнодушно наблюдая за суетившейся вокруг матерью. — Хоть отосплюсь. На работе отпросилась... На пасху хоть побуду, а то совсем ни дня, ни ночи в этом городе.

Слушая, Степанида развела на загнетке огонек, достала свежие яички — сделать дорогой гостье глазунью; слушала и все прикидывала, что это такое с девкой случилось, потому что ни одному ее слову не верила; что-то сильно изменилось в обличье и даже в голосе дочери, словно самое главное для жизни рухнуло в ней, и теперь осталась одна видимость, да и та не для себя, а для чужого глазу. Все это Степанида уловила сразу, едва дочь ступила через порог, но вот понять причину не могла и теперь мучилась, не забывая в хлопотах о своей думке ни на одну минуту. «Спросить прямо? — думала она. — Да ведь такая чертова девка, ничего не скажет, если не захочет, навертит тебе сорок сороков, а все будет не то, уж я-то ее урасливый характер знаю... Лучше помолчать, куда она денется, придет время, сама выложит... Ишь сидит, дуется, как мышь на крупу, вроде родная матка ей враг. Хоть мы и старые, разных больших наук не кончали, да ведь жизнь прожили, гляди, может, дельное что и подсказала бы матка...»

От жара на загнетке Степанида раскраснелась, и настроение у нее заметно улучшилось, она тут же насыпала раскаленных углей в самовар, бросила в него сухих щепочек и быстро, чтобы не задымил в избе, вынесла на крыльцо.

— Ну, рассказывай, — попросила Степанида, возвратившись в избу и быстро собирая на стол.

— А что рассказывать? — Олюшка подняла на мать безразличные, светлые, как у Степаниды, глаза и сделала удивленное лицо. — Все как было, так и есть... рассказывать нечего.

— Так уж и нечего, — обиженно поджала губы Степанида. — Погляди на себя, вроде полгода в больнице отлежала... Ох, ох, детки... Погоди, погоди, своих заведешь, узнаешь тогда, как маткой быть... Ох-хо-хо, господи прости и помилуй... Погодь, погодь, — нерешительно подступила к самому главному Степанида. — Как у тебя, доченька, с Павлом-то Семеновичем, с Павлушкой-то, а? Господи помилуй, да что с тобой? — испугалась Степанида, пятясь от стола к печке и обмахивая дочь мелкими, быстрыми крестиками, потому что Олюшка, вскочив из-за стола, мертвенно побледнев, зло, с какой-то даже мукой глянула исподлобья на мать; Степаниде показалось, что она вот-вот выскочит из-за стола и бросится вон из избы без оглядки. Олюшка и в самом деле слепо, помогая себе руками, выбралась из-за стола, хотела что-то сказать, не смогла, выбежала в горницу, свалилась там ничком на пышно застланную кровать (Степанида любила застилать и украшать эту высокую, с двумя перинами кровать, как смутную память и о своем девичестве и как свидетельство того, что у нее есть дочь и что когда-нибудь она тоже выйдет замуж и можно будет сыграть веселую, красивую свадьбу), и плечи ее затряслись в судорожных, неостановимых рыданиях; прибежавшая вслед за ней Степанида потерянно стояла рядом, не зная, что сказать, чем утешить дочь. Она робко положила руку на плечо дочери и молча, успокаивая, поглаживала; Олюшка резко повернулась навзничь, и Степанида увидела ее сухо блестевшие глаза.

— Ты никогда больше не говори мне о нем, мам, — попросила она. — Мерзавец... негодяй... Я не хочу больше слышать этого имени...

— Да господи, да что стряслось-то? Вы хотели в мае-то расписываться... А, доченька?

— А то и стряслось. — Олюшка по-прежнему немигающе глядела в потолок, в одну точку. — Подлец он, мам... Хорошо хоть вовремя открылось... в командировку меня в Воронеж на неделю послали... Ну, а я на два дня раньше управилась, и назад... И хоть бы дверь, мерзавец, запер, а то...

— Господи, — крестилась Степанида, слушая дочь. — Да уж что ж так-то? Может, оно обойдется. Мужик молодой, здоровый, ох-ох, порода у них мужичья такая, а ты, гляди, и потерпи, бабья доля терпеть... оно, гляди, все и сладится... А у таких вот урасливых, гляди, все мимо и проскочит, и будешь одна сухой былкой. Господи, доченька, да я ж его видела на карточке, такой мордатый да веселый... Ну, грех, ну с кем не бывает?

— Нет, мам, — все с теми же лихорадочно и сухо блестевшими глазами сказала Олюшка. — Не-ет... Я прощать не умею, не буду... Это ты все батьке прощала, а я не буду... Не могу я... этого... я скорее...

— Ты отца не суди, — строго и каким-то чужим голосом оборвала ее Степанида, обиженно отворачиваясь. — Это моя доля, моя забота... Постыдись, покойников хоть не хватайте...

— Мам, не хотела же я... прости... Ох, сердце, ох, сердце... ох, жжет... Так бы его и убила...

— Окстись... Что ты на себя напраслину возводишь-то... Ретивые ныне пошли, чуть что... Доченька, — каким-то совершенно иным, мягким голосом окликнула Степанида, и Олюшка зябко закуталась в шаль, сторонясь материнского глаза.

— Пятый месяц... скоро пять, — выдавила она из себя с усилием в ответ на немой вопрос матери. — Мука моя! Хоть бы сделать что!

— Господь с тобой, Олюшка, шш-шь! — испуганно оглядываясь на стены, перекрестилась Степанида. — О н о уже живое, о н о слышит! Как у тебя язык не отвалится? Ну, а как судьбу ему накличешь нехорошую... да каленченную-перекалеченную... да как же ты в глаза-то ему потом, ребенку своему, глянешь? Господи, видать, это и за мои грехи кара... Что ж это такое? Дите родное ты доноси, как следует, да роди... да я его, ангела, к себе возьму... лет десять, даст бог, протопаю... на ножки подниму, а там видно будет... Слышишь, Олюшка, как хочешь, а таких речей при мне не заводи, я старуха, мне скоро ответ держать...

Олюшка сидела, забившись в угол кровати, прижавшись к стене, даже с некоторым испугом глядела на мать; всегда тихая и покорная, Степанида словно переменилась, лицо у нее разгорелось, и сейчас они были похожи с дочерью; решимость, почти одержимость была в ее лице, затронуто нечто святое, что привело ее в крайнее волнение, почти в неистовство; она была способна сейчас ударить дочь, а то и выгнать ее прочь из своей избы, и Олюшка это чувствовала.

— Ладно, ладно, мам, — примиряюще согласилась она. — Ну, сорвалось с языка, что ты прямо на дыбы... Смотреть на тебя жутко...

— А ты говори, да язык свой не погань, — тоже начала потихоньку остывать Степанида. — Ишь, взяли моду нонешние-то, ни бога, ни черта им не страшно... Пойду на пасху, молебен закажу за тебя, грешницу, отслужить... упрошу в бумажку занести...

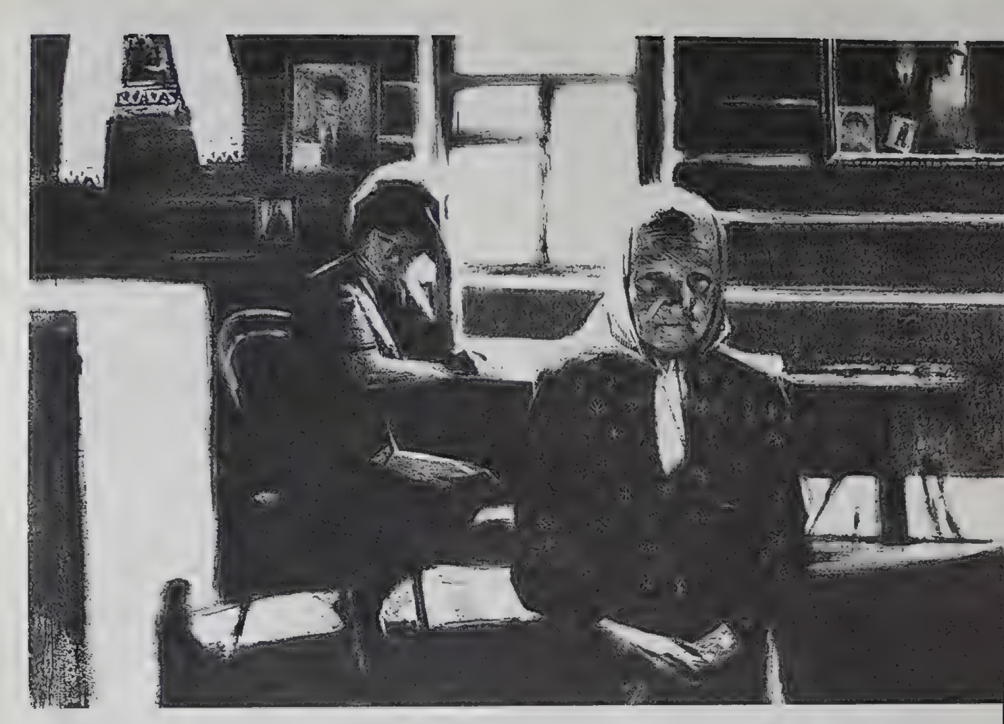
Ничего не ответив, Олюшка громко вздохнула, выбралась из перин и тщательно оправила за собой постель; и все это время светлые глаза ее были отчужденными и недоумевающими; неожиданная вспышка гнева матери озадачила ее, но легче ей не стало, напро-

Р А Н Н И Е

тив, тяжести только прибавилось. То, что для одной, прожившей большую и трудную жизнь, было свято, вторую лишь приводило в крайнюю степень отчаяния и смятения. «Ей, старой, что, — думала она. — Ей бы только внука заполучить, она об этом уже года три долбит, а я? Будущее загублено, молодость загублена. Мать-одиночка... как же — блестящая перспектива... Навсегда к плите да к пеленкам привязана... Нет уж, я еще не жила, ничего хорошего не видела... и сразу в ярмо?»

Выбрав момент, когда все, казалось, уже улеглось, Олюшка опять заговорила с матерью; облегчая душу, рассказывала подробности, и Степанида хмуро слушала; ну, что же, думала она, дело такое, мужик и есть мужик, молодой, жадный, за ним нужен глаз да глаз, она же, дура, все перед начальством тянется, во-он куды в командировку умыкнулась. Тут тебе что-нибудь одно: или работа, или дом. Непонятная жизнь пошла, что мужик, что баба — никакой тебе разницы. Он в один конец, она в другой, вот оно и получается все враздрызг. Какой же тут порядок, ежели главного — бабьей-то домовитости — нет? Одно слово, не бабы — кукушки пошли бездомные, вот оттого и мужики от рук совсем отбились. Бабы работают, а мужики пьют. Прыг да скок, прыг да скок от одной да к другой, им-то что, это дело как раз по мужичьему нраву...

— Мам, а ты в церковь одна ходишь? — спросила Олюшка.

— Как одна? Со мной кума Анисья пойдет. И другие старухи все идут... У нас одна только бусурманка некрещеная и есть...

— Ты про бабку Маронниху?

— Про нее, ведьму... как же... нечистая сила. Самогон пьет да всяких дурочек с истинного пути сбивает. В божий храм не ходит, ее силой туда не затащишь... Душа у нее черная, душа у нее никогда не отмякает, с утра она уже самогону стакан — хвать! Все нутро себе зельем сожгла, страсть глядеть. А ты иди все-таки поешь, — переменила разговор Степанида. — Не хочется, насильно ешь, ему тоже требуется... ты теперь о нем больше думай, он живой уже, своего требует.

— Ладно, поем, — и на этот раз покорно согласилась с матерью Олюшка, и весь этот день и следующий была тихой и задумчивой, и только под вечер на другой день куда-то надолго исчезла, сказала, что пойдет к своей школьной подружке, ныне зоотехнику Клаве Шумиловой. Занятая предпраздничными хлопотами, крашением яичек, приготовлением самой пасхи и сдобного теста для пасхальных куличей, студнем, Степанида словно помолодела; теперь ее неотступно занимали мысли о будущем внуке. Ей думалось, что это будет обязательно мальчик, внук, она была твердо уверена в этом. Ей хотелось назвать его Митей, и она то и дело забывалась и начинала улыбаться посреди какого-нибудь дела, и была вся торжественно-растерянная и светлая. Через день, уезжая с кумой Анисьей ко всенощной в город, Степанида надела на себя все самое лучшее; и кулич с пасхой, яички, предназначенные для освящения, аккуратно завязала в большой новый платок; кума Анисья еще озадачилась этим, но Степанида беззаботно отмахнулась.

— Что ты, что ты, кума, в такой-то пресветлый день жалеть, — сказала она. — Грех, грех... все одно с собой на тот свет не заберешь, пусть хоть тут душа порадуется.

Кума Анисья поглядела на нее неодобрительно, но промолчала, и больше до самого города они, не в пример другим, не разговаривали; и тяжелая всенощная ее с большим скоплением народа, с выносом божьей матери, водосвятием и со всеми прочими торжествами вплоть до освящения куличей, пасх, яиц — все это прошло для Степаниды в каком-то приподнятом, праздничном настроении, и она вернулась домой успокоенная душою; простившись у своего крыльца с

СУМЕРКИ

кумой Анисьей и договорившись, что та придет к ней поближе к вечерку в гости, Степанида весело хлопнула одной-другой дверью, вошла в избу, бережно поставила узелок с пасхой и яичками на стол.

— Доча, Олюшка, — позвала она еще с порога, тут же сунулась в горницу и, уже безошибочно почувствовав несчастье, жалко и ищуще скользнула взглядом по лицу затравленно приподнявшейся в кровати навстречу матери Олюшки и обессиленно привалилась к дверному косяку. Лицо дочери было потухшим, серым, губы искусаны, запеклись, и глядела на мать она угрюмо и отстраненно.

— Ты что сделала? — с недобрым лицом спросила Степанида. — Ты у Маронихи была? А то домой зазвала? Ты что с собой сделала? Ну, говори! Что онемела-то?

Она ждала, что дочь сейчас с веселым смехом спрыгнет с кровати, подбежит к ней, и все разъяснится, снова будет ясный, майский день, светлый, самый большой в жизни праздник, а там...

Олюшка опустила глаза, и для Степаниды последняя надежда рухнула; через силу добравшись до диванчика, она по-детски тоненько запричитала.

— Не надо, мам, без того тяжко, — пожаловалась, сухо блестя глазами, Олюшка. — Все плывет... Хотела напиться сходить... возле кровати так и осела... очнулась, заползла назад...

Степанида пошла и принесла ей воды, но ни в этот день, оскверненный и поруганный праздник, ни потом она не произнесла с дочерью и одного слова, и лишь после ее отъезда к себе в город Степанида почувствовала облегчение и даже трижды перекрестилась...

В мае и в начале июня одна за другой накатывали грозы; едва услышав первые, еще далекие раскаты или увидев тяжело набухавшую где-то у самого горизонта тучу, Степанида торопилась в дом, закрывала все окна и двери, задвигала вьюшку в трубе, несколько раз крестилась на передний угол, на икону Ивана-воина и на божью матерь Серпуховскую — эти две иконы достались ей от покойницы матери, и она их свято берегла, почитала, перед праздниками вынимала из окладов и бережно протирала оливковым маслом; а однажды даже схватила кочергу, чтобы выпроводить какого-то заезжего длинноволосого мужика, облюбовавшего ее божью матерь и бесстыдно совавшего ей в руки десять рублей. Тогда, после того потрясения, Степанида почти неделю недомогала и плохо спала, и ей часто начинало казаться, что в избе кто-то есть, и теперь после отъезда непутевой дочери это чувство внезапно вернулось к ней. Она торопливо, со слабостью в сердце вставала, зажигала свет и тщательно осматривала всю избу, заглядывала даже за печь и под кровать, никого, разумеется, не находила и потом долго не могла заснуть, лежала, маялась чуть ли не до зари, когда окна начинали уже светлеть, а петухи наперебой кричали из конца в конец села, и их задорная перекличка сразу приносила в мир уверенность, бодрость и смысл. Степанида расслабленно зевала и скоро спокойно, часа на два-три засыпала и всегда видела во сне одно и то же: сплошь усыпанную крупными васильками низину и наползавший откуда-то волглый, белесый туман; он поднимался все выше, выше, и скоро уже ничего нельзя было видеть, одна муть стояла перед глазами. Но Степанида этого не боялась, дышала покойно и ровно и вставала отдохнувшая, готовая весь долгий летний день хлопотать по хозяйству и в огороде; пробирала морковь и свеклу, полола уже начинавшие зацветать огурцы, обрывала пасынки у баклажанов, проходила с тяпкой по две-три межи картошки, а когда спина начинала мозжить, шла к изгороди поделиться всякой всячиной с кумой Анисьей, тоже не вылазившей в эту начальную летнюю пору из бурно первшего в рост огорода; так жизнь и шла, и другой быть не могло, потому что пока человек живет, он должен работать; летние дни мелькали один за другим, жаркие, долгие, но за работой и такого дня все равно не хватало; даже некогда было съездить в город на базар, приглядеть там кое-что из посуды.

Двадцать пятого числа, как обычно каждый месяц, утром к Степаниде зашла почтальонша, незамужняя девка лет за тридцать — Поля Назарова; она была косовата на один глазок, а так лицом чиста и хороша и характера мягкого, уступчивого, а вот в жизни ей не повезло. Хороводилась с одним до армии, из соседней деревни был паренек, ничего себе, а пошел служить да так и осел где-то в Сибири, женился, а Поля поплакала-поплакала, да с тем и осталась.

Расписываясь за пенсию в тридцать семь рублей, Степанида с жалостью думала о нехорошей Полиной судьбе, отмечая про себя, что начала почтальонша уже и по-бабьи как-то усыхать.

— Что там нового слышно-то, Поль? — спросила Степанида, бережно пряча деньги на божницу, в старый, еще от Олюшки, учебник арифметики. — Да ты садись, позавтракаем вместе, у меня картошечка... укропчику молодого нащипала, вон несколько огурчиков подобрала... Вышла в огород курей спугнуть, повадились проклятые на гряды, нагнулась, раздвинула листья, а они лежат... мохнатенькие, свежие... первенькие... Садись, садись, Поль...

— Да что, теть Степанида, разнесу почту, дома поем, — для виду отказывалась почтальонша, но тут же легко дала себя уговорить, повесила сумку с письмами и газетами на крюк возле двери и присела к столу.

— Сейчас яичницу изжарю, — сказала Степанида. — Выпьем с тобой, Поль, по черепушечке вишневой, у меня, как дед Панкрат работал, рамы подправлял по весне, осталось в бутылочке, вот мы и выпьем...

— Может, не надо яичницу, теть Степанида? Молочка вон выпью.

— Как это не надо? Деньги мне принесла... Дожила Степанида Горохова до такой жизни, деньги тебе домой носят кажный месяц... Хоть и пришлось на своем веку потрудиться, после войны-то особо, вспомнить жутко, а все-таки вот тебе, вишь, пенсия старухам да старикам вышла, домой несут... И молочка выпей, и яишню я мигом. А то, может, щей налить? Только что из печки вынула.

— Ну, налей, теть Степанида, щи у тебя духмяные... Никто таких не варит. К Кирьяновым телеграмма пришла, внуки опять на лето из Ленинграда едут, — сказала Поля, скидывая с головы платок и приглаживая, на удивление, густые и пышные русые волосы.

— Как же, счастье Кирьянихе, — вздохнула Степанида. — Все лето с унучатками, то-то радость...

— А бабке Початковой посылку с Сахалина сын с невесткой прислали, — сообщила Поля. — Почти в полпуда. Рыба копченая, одни спинки, жир так и светится... Пять банок с икрой рыбной, красная-красная, бабка Початкова одну открыла, понюхала, а есть жалко. Как ее, говорит, есть, такую дорогую! Потом нутром изойдешь от жалости...

— Неужто совсем красная? — вежливо . поинтересовалась Степанида.

— Красная-красная, ну что твой помидор, когда спелый... Я зацепила-то из банки, попробовала — ничего, во рту тает, как масло... только рыбой отдает... И соленая.

— Надо же тебе! — изумлялась все больше Степанида. — Надо сходить, поглядеть... вон людей в какие концы разнесло. Виданое ли дело — Сахалин... Ты кушай, кушай, Поль...

Разлив вишневку в граненые стаканчики, Степанида, вспомнив, как плотник дед Панкрат все уговаривал ее сойтись коротать старость вместе, не удержалась от смешка. Поле она ничего объяснять не стала, и они выпили; Поля принялась за поспевшую и ароматно зарумянившуюся яичницу, вначале выковыривая припухло расплывшиеся пятна желтков, затем за чудесно дымящиеся, щедро приправленные молодым укропчиком щи; Степанида же, закусив кусочком пахучего молодого огурца, подпершись, с удовольствием глядела на нее и все пододвигала ей то редиску, то огурцы; сходив в сени, налила в высокую литровую белую кружку свежего, едко пенящегося квасу.

— Знаешь, Поль, — вернувшись, опять присела она напротив своей гостьи и все так же подпираясь темной морщинистой ладонью. — Мне вон уже на седьмой десяток перевалило... Все-то я о жизни думала, думала, да так ничего и не надумала... Вот в голову вступит, так ее и разносит, хоть обручами сбивай, а понять ничего не пойму...

— А что в ней понимать, теть Степанида, в жизни-то?

— Как же, Поль, как-никак, а судил господь глянуть на свет божий, вот и думаешь. Куда от думок-то? Может, и от старости... лежишь, лежишь, не спится, чего только в голову не взбредет... Все на свете вспомнишь... Как в девках ходила, вспомнишь, мать с отцом вспомнишь... мужика вспомнишь... Первого, на войне который погиб... как живой перед глазами стоит... только в подушку головой, глаза закроешь... а он тут и явится, смеется, чуб свесил... Как был молодой, так и является... А этого, послевоенного, Олюшкина отца, и вспомнить нету сил... то-то крови попортил, ох, тяжеленок был, в память никогда не приходит...

— А я боюсь думать, теть Степанида, — призналась Поля, подняв от стола свои еще больше засиневшие глаза; в них предательски дрожали крохотные точечки света. — Нескладная я уродилась, теть Степанида, что тут думать? Ходи себе, гляди на людей, а думать... Эх! — Поля беспечно улыбнулась свободной, простой, немного застенчивой улыбкой, и вся она словно в один миг преобразилась, а в лице появилась затаенная нежность. — Знаешь, теть Степанида... какие думки иной раз приходят... самой срамно... Вот, думаю, возьму, соберу денег... уеду куда-нибудь, где никто меня не знает... пригляжу какого-нибудь парня постарше... на, скажу ему, пятьсот рублей... а мне ничего от тебя не надо... одного я хочу, ребенка... а, теть Степанида... вот какие думки... вот кабы ребеночка мне... Ты чего, теть Степанида?

Степанида неловко замахала на нее рукой, отвернулась, вытерла мокрые глаза.

— Ты думай, как хочешь, Поль, а я одно скажу: уезжай, куда хочешь, уезжай, да поскорей, не тяни, — торопливо, скрывая охватившие ее жалость и волнение, заговорила Степанида. — Баба ты еще молодая, на людном месте мужика себе найдешь, семью сладишь. Да ты погляди на себя: и статью и лицом взяла! В городах-то да на разных стройках — народ и есть, там и мужики в силе, а у нас тут, погляди, одно запустение. Уж на селе и человека моложе пяти десятков и не встретишь. А встретишь какого — так слабоумный какой или пьянчужка горькая... ему уже все одно, где головушку прислонить... Уезжай, Поль, уезжай, пока не поздно, а то годочки самые спелые, нужные пролетят, тогда уж чего! Тогда уж не с кого будет спрашивать...

— Душно что-то сегодня, — сказала Поля. — Гроза, видать, спеет... Душно как...

Она раздвинула ворот своей ситцевой в желтую крапинку кофты, мучительно потерла длинную, смуглую шею.

— Чего тебе тут, в пустыне этой, сидеть? — опять заговорила Степанида. — Тут скоро и вовсе человек от человека за версту останется, будешь по-совиному перегугукиваться... Паспорт у тебя на руках, не прежние времена, подхватилась и поминай как звали. Жизнь, она и не увидишь, как проскочит, а что ты видела хорошего? И не увидишь! И кто тебе спасибо скажет? И-и, девка!

Поля ушла от Степаниды необычно молчаливая, а Степанида, прибрав со стола, отправилась в огород; к этому времени все поднялось, царственно разбухло и зацвело; подсолнухи глазасто перевешивались через изгороди, помидоры, темные от таившейся в них силы, с обильной завязью, разламывали грядки, тыквенные плети длинно змеились по картофельным межам, и редька уродилась приземистая, широколистая, не в ствол, а в мясистый корень, все больше приподнимавший землю вокруг себя; Степанида сеяла ее еще до зари, еще до той поры, по старой примете, когда мужик, пробудившись, во двор выйдет; на капусте уже ясно обозначились завязывающиеся вилки, грядки с луком и чесноком отдавали особой чистой и густой зеленью, и Степанида долго любовалась своим огородом; она была довольна. Она прошлась по картошке, сдергивая кое-где пробившиеся кустики молодой лебеды; это была травка хоть и сорная, но не зряшная: если ее порубить, обдать кипятком де слегка подсолить, она годилась в корм и поросенку и курам.

Окончание следует.

М. Сарьян. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. А. ОРБЕЛИ. 1943.

Государственная картинная галерея Армении.

М. Сарьян. КОЛХОЗ СЕЛА КАРИНДЖ В ГОРАХ ТУМАНЯНА. 1952.

Государственная картинная галерея Армении

ЛИЦЕМЕРЫ

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ СИОНИСТСКОГО ЛОББИЗМА

— Все же одну поставленную перед собой задачу британским сионистам удалось осуществить, — сказала мне в Лондоне знакомая журналистка.

— Какую?

— За последние годы у нас встречают хмуро, мягко говоря, малейшую публичную критику израильского государственного строя. Да что там строя! Наши журналисты боятся критиковать любую сторону общественной жизни Израиля — государства, официально провозгласившего себя партнером сионистского движения и взявшего на себя ответственность за деятельность сионизма во всех странах мира. А ведь еще в 1965 году у нас выходили книги, разоблачающие сионистских правителей Израиля, — вспоминает журналистка. — Хотя бы, например, исследование Алекса Вейнброда, оно называется «Израиль. Групповые отношения в новом обществе». Размежевание еврейского населения не только по классовым, но и по расовым признакам, стремление возвеличить идею «чистоты расы» — вот что, как показал Вейнброд, пронизало все поры общественной жизни Израиля. Если «сабра» — родившиеся в Израиле потомки первых еврейских переселенцев — принадлежат к наивысшей, привилегированной касте израильтян, если «ашкенази» — иммигранты из Европы — тоже причисляются к «полноценным» евреям, то «сефарды» — выходцы из средневосточных и ближневосточных стран, да еще смуглокожие — уже во многом дискриминируются. И, конечно, «черные» из африканских стран находятся в Израиле на положении «третьего» сорта.

— Британские евреи в Израиле уже, во всяком случае, что-то вроде «люкса»?

— Не совсем так. Из книги Вейнброда английские евреи могли узнать, что в Израиле они будут неофициально, но фактически, котироваться на разряд ниже американских, но зато будут признаны более «благородными», чем выходцы, скажем, из Румынии... Да, издавались у нас книги, рассказывающие правду о том, что позволяют себе сионистские руководители Израиля. Но английские сионисты сообразили, что такие книги, да и статьи, бьют и по ним, мешают их пропаганде. И сейчас очень трудно, почти невозможно добиться в Англии публикации материалов о сионистских порядках в Израиле.

— Выходит, сионистское лобби не даром свой хлеб ест, — заметил я.

— Разве вас еще не убедили, что в Англии нет сионистского лобби, — моя собеседница иронически улыбнулась.

— Пытались убедить. И сотрудники «Джуиш кроникл» и Моше Девис. Особенно категоричен был редактор «Ежеквартального еврейского обозрения» Якоб Зоннтаг. «Вы путаете Великобританию с Америкой,—упрекнул он меня. — Сионистское лобби — понятие исключительно заокеанское». А Соня Гольдсмит, стоило мне только произнести «лобби», всплеснула руками и так укоризненно покачала головой, что я понял: разговор на эту тему бессмыслен.

Что ж, перейдем от эмоций к фактам.

«События дня убедительно показали две вещи: организация «Консерваторы — друзья Израиля» имеет глубокие корни в партии тори, число ее членов в консервативной фракции парламента достигает свыше 90 из 220, и направление политики тори, в результате которой многие их лидеры смогли отправиться в Израиль и увидеть страну своими глазами».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—12.

Кто так пишет? Не антисионистский ли журналист?

Нет, это влиятельная газета «Обсервер» рассказывает, как прошел «прием, официальный обед или ужин, а то и все вместе, организованные «друзьями» в четверг на прошлой неделе во время съезда партии тори в Брайтоне».

Отчет о приеме «Обсервер» озаглавила предельно выразительно: «Друзья-консерваторы собирают обильный урожай».

Правящей партией тогда была, правда, лейбористская. Но ведь, подобно консерваторам, и лейбористы видят в Израиле «самого лучшего, самого удачливого, самого нетребовательного (насчет нетребовательности — это уже изрядный перебор! — Ц. С.) союзника, о котором когда-либо мог мечтать Запад» — я привел слова из редакционной статьи лондонской газеты «Дейли телеграф» под предельно точным заголовком «Будем продавать оружие Израилю». Не стоит даже устанавливать, кто был у власти, когда появилась статья, — консерваторы или лейбористы.

Продолжаю цитировать отчет газеты «Обсервер» о приеме в Брайтоне в честь организации «Консерваторы — друзья Израиля»:

«Гостей на приеме, предшествовавшем обеду, устроенному в изысканной Хрустальной комнате отеля «Норфолк», возглавляла лидер партии Маргарет Тэтчер, прибывшая одна из первых. Она по-дружески болтала с другими гостями, вспоминая свои предыдущие поездки в Израиль и множество друзей, которые есть у нее там...

Министр иностранных дел «теневого кабинета» Реджинальд Модлинг оставался на приеме недолго...»

Какое огорчение для сионистов и присутствовавших на приеме-обеде-ужине израильских представителей! Не стоило им, однако, огорчаться:

«Сопровождавшая министра супруга говорила о том, как бы ей хотелось снова поехать в Израиль, в котором Модлинги были в начале этого года».

Не буду утомлять читателей длиннейшим перечислением присутствовавших на приеме членов руководства партии консерваторов, членов «теневого кабинета» и депутатов парламента. Их настроение, судя по отчету «Обсервер», ярко выразил высокочтимый Хью Фрейзер, председатель парламентской группы общества «Консерваторы — друзья Израиля», заявивший, что «организация продемонстрировала в прошедшем году свою преданность Израилю».

Отвечая на такое пылкое признание, посол Израиля, конечно же, не мог не напомнить, как госпожа Тэтчер побывала в Израиле не где-нибудь, а на Голанских высотах, тем более что после данного визита «на этом фронте постоянное затишье!».

У особенно придирчивого читателя может все-таки возникнуть сомнение: а не перехлестывает ли репортер солидной «Обсервер»?

Тех, кто не вполне верит репортеру «Обсервер», переадресуем к скромно, но достойно оформленному проспекту под скромным же названием «Консерваторы — друзья Израиля». Оно адресовано участникам и гостям съезда партии тори. Президент общества, его светлость герцог Девонширский, член тайного совета, кавалер «Военного креста», сообщает в проспекте:

«Наша парламентская группа включает в настоящее время в себя 88 консерваторов — основоположников общества и многих членов Палаты лордов (22 лорда); наши студенческие группы активно действуют в университетах и политехнических колледжах по всей Великобритании, и по всей стране не ослабевает приток новых членов.

Мы заранее приветствуем ваше вступление в наши ряды».

Затем в проспекте следует перечень руководителей общества с подробным перечислением их титулов, званий и наград. Оказывается, над президентом стоит Патрон общества — пэр Англии, граф Эйвонский, кавалер ордена Подвязки и «Военного креста». А за президентом следуют три вице-президента, председатель, вице-председатель, казначей и почетный секретарь парламентской группы.

Но вот что характерно: замыкает тот столь импозантный список директор, членом парламента не являющийся, титулов и званий не имеющий. Не удивляйтесь, однако! Имя и фамилия директора сами за себя говорят: Майкл Фидлер. «Один из практических руководителей британского сионизма», «организатор и лидер крупнейших сионистских организаций Англии» — вот какими эпитетами награждают Фидлера журналисты.

Кстати, приглашая консерваторов в ряды друзей Израиля («минимальный взнос: 2 фунта стерлингов»), герцог Девонширский в том же проспекте просит их обращаться отнюдь не к нему и не к почетному секретарю, а опять-таки к непочетному Майклу Фидлеру.

Интересно получается! Директором и фактическим руководителем общества, объединяющего членов партии консерваторов, и прежде всего депутатов парламента от этой партии, является член партии... сионистов, которого «Обсервер» аттестует «основателем, вдохновителем» общества.

И в заключение все-таки следует снова предоставить слово репортеру «Обсервера». Растроганный речами, разнеженный ужином, ошарашенный небывало знатным обществом, он все-таки засомневался:

«Но действительно ли налицо по-настоящему глубокая дружба, или же мы имеем дело с оппозиционной партией, в своих интересах сравнительно легко идущей на установление дружеских связей? Этот вопрос я прямо поставил перед Хью Фрейзером, который заверил меня, что, когда консерваторы придут к власти, «не будет никакой распродажи интересов Израиля».

Этими словами председатель парламентской группы общества «Консерваторы — друзья Израиля» ясно ответил и на вопрос: есть ли в Англии сионистское лобби? Есть, но в своем, британском варианте. И с помощью друзей из парламентских сфер сионисты «собирают обильный урожай».

Сейчас, когда публикуются эти очерки, партия консерваторов уже не оппозиционная, а правящая. Но и ныне оппозиционная партия лейбористов тоже сохранила свой комитет дружбы с Израилем.

— Но не лоббистские они, нет! — горячо убеждал меня упоминавшийся уже бибисистский советолог. — Будь это комитеты дружбы не с Израилем, а с другой страной, никто не заподозрил бы их в лоббизме.

— А много еще есть у обеих ведущих партий парламентских комитетов дружбы со странами? — попытался уточнить я.

— Я не столь уж компетентен в этом вопросе, чтобы дать вам вполне исчерпывающий ответ.

Хотя бы и не вполне исчерпывающего ответа я тоже не получил.

ТАК ФАБРИКУЮТСЯ ФАЛЬШИВКИ

Не при поддержке ли своего лобби английские сионисты значительными тиражами издают и распространяют заведомые фальшивки, идущие вразрез с решениями Организации Объединенных Наций, значит, принятыми не без участия Великобритании? Фальшивки эти не только грубо отметают коренные нормы международного права, не только пытаются узаконить аннексионистские действия государства Израиль, но и призывают к новым захватническим войнам, к оккупации территории многих стран Ближнего Востока, к порабощению новых миллионов арабов.

Передо мной изданная в Лондоне брошюра. Предназначалась она якобы для распространения в Викториэл-Холле среди участников всеанглийской конференции сионистов, хотя фактический тираж рассчитан по крайней мере на десять таких конференций. Брошюра иллюстрирована двумя географическими кар-

тами, насквозь, как увидит читатель, фальшивыми.

Под первой картой, показывающей очертания стран Ближнего Востока до израильской агрессии в 1967 году, значится: «Израиль до июня 1967 г.». Под второй — подпись несколько иная: «Израиль такой, каким он скоро будет». Эта «карта» преподносит Израиль как огромнейшую страну, поглотившую не только оккупированные в 1967 году территории, но и земли Ливана, Сирии, всего Аравийского полуострова и лежащие к западу от Евфрата территории Ирака — проще говоря, почти все арабские земли азиатского континента.

Вот каким должен стать Израиль с точки зрения «внепартийных» издателей брошюры. Для большей солидности они поставили над картами такой заголовок: «Чудо израильского становления на Ближнем Востоке — рука Бога на святой земле». И еще: «Иерусалим будет давить неверных до тех пор, пока не пройдут их времена». А все в целом это преподносится читателю как «самая великая необходимость человечества».

Сфабрикованные сионистами «географические» карты откровенно призывают к разбойничьему захвату арабских земель далеко за пределами «контролируемых» территорий. Причем рассчитаны фальшивки не только на британцев еврейского происхождения. Доказывает это, между прочим, и такая деталь: хотя трудно было предположить присутствие на сионистской конференции в Викториэл-Холле христиан, предусмотрительные «географы» оснастили свою продукцию притянутой за уши выдержкой из Евангелия. Словом, расистский призыв «давить неверных» адресуется и христианам.

Фабрикация фальшивок разных масштабов стала в повседневной деятельности сионизма обыденным, рядовым приемом. И когда требуется кого-нибудь или что-нибудь оболгать, в помощь клеветнической пропаганде, как «наглядное доказательство», выступают на сцену фальшивки. Зачастую они призваны опорочить и книги, враждебные сионистской идеологии.

В своей книге «Дикая полынь» я писал о международном сионизме много, естественно, весьма нелестного. Мало приятного сказал и о сионистских правителях Израиля. Казалось бы, для полемики со мной, тем более в сионистской манере, то есть откровенно демагогической, можно было бы надергать достаточное количество цитат.

Но клевещущим на меня сионистским оппонентам этого показалось мало. И пошли в ход выдуманные «цитаты». Мне показывали их на страницах сионистских газет некоторых западноевропейских стран, встречал я подобные «варианты» и в израильской прессе.

Рекорд беспардонной перелицовки моих строк некоторое время принадлежал лондонским сионисткам, упоминавшимся уже руководящим дамам из «комитета 35-ти»—Рите Экер, Дорин Гейнсфорд, Линде Айзекс и Маргарет Райчэл.

Особенно, видать, их разозлили приведенные мною разительные факты прямого сотрудничества сионистов с нацистами в годы второй мировой войны. Не найдя, конечно, аргументов для опровержения истинных фактов, ретивые оппонентки решили попросту приписать мне целиком выдуманный ими абзац. Расчет простой: все, что сказано о сионизме советским автором, читатель сионистской прессы автоматически сочтет неверным — в подобных случаях доказательств не требуется. Поэтому в приписываемых советскому автору строчках можно позволить себе заодно дать оценку и таким неблаговидным фактам из деятельности сионистских лидеров, о которых автор вовсе не писал, но имел полное основание писать. И если читатель впоследствии прочтет о них в антисионистской литературе, он уже будет заранее подготовлен к тому, чтобы отнестись к прочитанному с недоверием.

По такому пути, рассчитывая убить двух зайцев сразу, и пошли ретивые дамы из «комитета 35-ти». Вот что они сочинили за меня и опубликовали на страницах все той же «Джуиш кроникл» 20 января 1978 года:

«Не подлежит сомнению, что государство Израиль создано руками, обагренными кровью. Процесс Эйхмана был устроен для того, чтобы обелить сионистских главарей, таких, как Вейцман, Бен-Гурион, Моше Шарет и Леви Эшкол, которые с нацистами в истреблении евреев».

Правду говоря, содержание этого абзаца больших возражений у меня не вызывает. Но я этого не писал. И так не пишу.

О существе же приписанного мне абзаца должен сказать: процесс гитлеровского палача Эйхмана я, к искреннему своему сожалению, в «Дикой полыни» не анализировал — это во-первых; о постыдных связях Моше Шарета, одного из израильских премьеров, с гитлеровцами я в пору работы над книгой, каюсь, еще не имел документальных подтверждений и потому даже не упомянул его имени — это во-вторых. Сейчас бы уже обязательно упомянул!

Что же касается истинного происхождения «цитаты», приписанной мне четырьмя дамами, то небезосновательно напрашивается такое предположение: когда сочинительницы трудились в поте лица над антисоветской статьей, перед ними, вероятно, лежала совсем иная книга. Изданная в 1977 году на английском языке в Нью-Йорке, она называется «Жертвы всесожжения обвиняют. Документы и свидетельства об еврейских военных преступниках». Автор, достаточно авторитетный для сионистов: Моше Шёнфельд, ортодоксальный раввин.

Вот в его книге так приблизительно и сказано, как в приписанном мне абзаце. Еще даже резче: раввин Шёнфельд прямо обличает многих создателей государства Израиль в сотрудничестве с нацистами, из-за чего в гитлеровских застенках погибло немало европейских евреев. Их можно было бы спасти, доказывает раввин Моше Шёнфельд, прояви сионисты желание своевременно эвакуировать их из Германии в другие страны.

Так не вернее ли (и порядочнее, конечно) было бы сослаться на ортодоксального раввина, нежели приписать его слова советскому писателю. Но четыре сионистки сообразили, что это невыгодно, опасно и гораздо менее доходно для сионизма.

«Рекорд» моих лондонских оппоненток продержался, однако, недолго: всего 46 дней. Побили его уже на другом континенте, в Иерусалиме, на страницах влиятельной еврейской (тоже англоязычной) газеты «Джерузалем пост».

На этот раз автором сочиненной за меня «цитаты» из моих очерков оказался доктор Рафаэль Нудельман, выступивший в Иерусалиме с докладом на сессии президиума брюссельских конференций, точнее, периодически собирающихся в Брюсселе антисоветских сборищ «в защиту» евреев социалистических стран. Как вещает в «Джерузалем пост» Джуди Зигель, данная сессия была из ряда вон выходящей: в ней участвовали премьер-министр Бегин, его предшественница на этом посту Голда Меир, спикер кнессета Шамир, министр без портфеля Ландау.

В присутствии столь высоких сионистских особ Нудельман, как сообщает репортер Джуди Зигель, сказал:

«Появилась яростная серия статей в «Огоньке», издании, которое читает почти каждая советская семья. В одном из номеров Ц. Солодарь написал, что процесс Эйхмана имел целью скрыть сотрудничество с нацистами таких еврейских лидеров, как Вейцман, Бен-Гурион, Шарет, Эшкол. «Не известно, как много евреев точно было убито с помощью сионистских лидеров,— пишет Солодарь,— во всяком случае, бесспорно, что руки основателей государства Израиль по локоть в крови евреев».

Сравните лондонский с не более грамотным иерусалимским вариантом «цитаты»! Нетрудно увидеть: говоря о сотрудничестве с нацизмом крупных сионистских лидеров, в Иерусалиме их предусмотрительно назвали уже не только сионистскими, но и еврейскими и оснастили «цитату» более резкими, следовательно, более «несправедливыми» с сионистской точки зрения эпитетами.

Для чего это сделал Нудельман? Не только для того, чтобы обострить злобу высоких участников сессии против советской печати и добиться от них новых ассигнований на сионистскую пропаганду против социалистических стран. А главным образом для того, чтобы, используя подобные фальшивки, «создать,— как подчеркивает иерусалимская газета,— «голубую книгу» антисемитских материалов из России и распространить ее как доказательство среди западных парламентариев».

Расчет такой: чем сенсационней будут в этой книге подобные «подлинные» выдержки из советских изданий, тем усердней станут бороться некоторые западные парламентарии за новые денежные подачки международному сионизму и Израилю.

Как смастерил Нудельман «цитату» из очерков советского автора? Ему совершенно не потребовались для этого ни «Дикая полынь», ни огоньковские очерки, составившие основу этой книги. Нудельман прибегнул к более простому способу «цитирования»: взял за основу «отрывок», приписанный руководительницами «комитета 35-ти» советскому писателю. «Отрывок» показался, однако, Нудельману чересчур мягким — ведь придумали его как-никак дамы. И сей деятель сионистской пропаганды помужски придал фальшивке лондонских сионисток иерусалимскую «подлинность».

Но на этом фальсификация показательной «цитаты» не кончилась.

В культурном центре на улице Марэ в Париже мне рассказали об амстердамском и брюссельском вариантах лондонской (а может быть, иерусалимской?) «цитаты». Признаюсь, у меня не было ни времени, ни интереса знакомиться с ними.

Зато я неторопливо полистал альбомы материалов сионистской прессы с высказываниями об Еврейской автономной области нашей страны, о труде и быте биробиджанцев. Полемизировать о сионистской информации на эту тему попросту невозможно, ибо что ни слово — безосновательные нападки, выдумки, ложь!

РОСТКИ ПРАВДЫ И ТЕРНИИ КРИВДЫ

«Сейте правду вы — и получите
Добрые ростки.
Бойтесь кривды-лжи — она замучает
Хуже злой тоски».

Эти — поэтически непритязательные и наивные — строчки никогда нигде не публиковались. Почему же, упомянув о злобной клевете сионистской пропаганды на Биробиджан, я вспомнил именно эти строчки?

Осень 1954-го. Накануне II Всесоюзного съезда писателей в разные уголки Подмосковья на встречи с читателями выехали бригады московских литераторов.

Мне посчастливилось попасть в бригаду, посланную в Шатуру. Давно хотел я увидеть работающую на торфе Шатурскую электростанцию — одну из первых, что были построены по ленинскому плану ГОЭЛРО. Обрадовало меня и то, что возглавил бригаду замечательный прозаик Эммануил Казакевич: мне неизменно дороги не только его «Звезда» и «Сердце друга», но и «Весна на Одере», правдиво запечатлевшая памятные для меня последние дни войны на Берлинском направлении. В бригаду вошли, помню, поэты Алексей Фатьянов и Александр Филатов, литературовед Григорий Бровман...

Однажды вечером нашей бригаде пришлось разбиться на две. Казакевич, Фатьянов и я поехали в клуб близлежащего колхоза. Возвращались мы оттуда в Шатуру незадолго до полуночи. Алексей Фатьянов, человек общительный и жизнерадостный, негромко напевал песни, написанные на его стихи Василием Соловьевым-Седым и принесшие поэту заслуженную славу талантливого песенника. Особенно рад был этому неожиданному автоконцерту пожилой водитель нашей «Победы», он вел машину осторожно и тихо, чтобы не помешать Фатьянову.

Неподалеку от обочины мы заметили в поле колеблемое ветром пламя затухающего костра. Казакевич опустил стекло, и в окно залетела песня. Казакевич попросил водителя остановить машину. Мы прислушались. Импровизированный хор, в котором преобладали женские голоса, не очень слаженно, но задушевно пел особенно популярную в те годы украинскую песню «Розпрягайте, хлопцi, конi ..».

— Вероятно, боятся потерять дорогие минуты на рассвете и хотят с первым же лучом приступить к работе,— вслух подумал Казакевич,— потому и заночевали в поле.

Машина тронулась. Эммануил Генрихович продолжал:

— Вспомнился Биробиджан. Еще только на-

рождалась Еврейская автономная область. Я возглавлял валдгеймский колхоз... Не делай таких больших глаз, Алеша, я действительно был очень молодым председателем старейшего ныне колхоза области. Работы невпроворот. Каждому приходилось и дома строить, и тайгу корчевать, и даже становиться мелиоратором. Работали допоздна. Казалось, после такого рабочего дня только бы поскорее завалиться спать. А колхозницы и колхозники, и не только молодые, жаловались, представьте, на то, что негде после работы собраться, нет клуба, негде песню завести. И клубом нашим стала полянка вокруг костра. Нашлись певцы и певицы, даже танцоры. Когда же все усаживались у костра, начиналось литературное отделение. Я читал стихи — русские, еврейские, украинские. Теперь могу признаться, что я, называя вымышленных авторов, читал и свои стихи. И, конечно, вместе со всеми пел песни, хотя еще в годы моего милого детства музыкальным слухом не отличался. И вот как-то за костром молодая девушка посетовала на то, что у нас нет песни про наше таежное житье-бытье, про нашу нелегкую работу. Я, в ту пору «полуподпольный» литератор, почувствовал в словах девушки упрек. И вот, представь себе, Алеша, — улыбнулся Фатьянову Казакевич, — прорезал я в себе песенный дар. Отважился написать еврейские стихи на мелодию старинной народной песни «Ойф дэм припычэк брэнт а файерл...».

Я тут же перевел Фатьянову:

— На припечке — у белорусов и украинцев припечек означает широкий и низенький пристенок у кухонной печи — горит огонек. И вот при свете этого огонечка старый учитель учит детей азбуке...

— Песня у меня получилась полугрустная, полукомическая, — продолжал Казакевич, — и даже несколько назидательная. Причина вот в чем. Накануне мы устроили на собрании головомойку одному колхознику, старому по возрасту и молодому по колхозному стажу. Он пытался ловчить во вред коллективу. По мелочам, правда, но обманывал. На собрании выступила его жена. Ей было до слез стыдно за мужа. Без обиняков она сказала ему, что обман тянет человека в пропасть, жить нужно только по правде. И, как выразился бы литературовед, я отразил ее мысль в первом и последнем четверостишии. Получилось у меня приблизительно так... — И Казакевич пересказал нам содержание рефрена его песни.

— Спел бы, Эмик, — попросил его Фатьянов.

— Если Солодарь подпоет, согласен. А сам я могу заблудиться в мелодии.

С моей посильной помощью Эммануил Генрихович спел рефрен. Затем по просьбе Алексея мы спели еще раз.

Наступило молчание. И только Фатьянов, которому при его яркой музыкальности удалось сразу уловить мелодию старой еврейской песни, продолжал вполголоса напевать ее. Конечно, без слов. А когда густую ночную тьму прорезали огни Шатуры, он сказал Казакевичу:

— Хочешь послушать вольный перевод твоего рефрена? — И запел. Это были строчки, приведенные в начале главы: «Сейте правду вы...».

С той ночи при наших встречах с Фатьяновым песенка Казакевича в вольном переводе Алексея стала для нас своеобразным паролем. Я обычно начинал: «Ойф дэм припычэк брэнт а файерл...». И сияющий Фатьянов тут же подхватывал: «Добрые ростки»...

Добрые ростки. Не кривда их дает, а правда — порой горькая, порой радостная, но всегда правда, которую всей страстью сердца отстаивал Казакевич, и корчуя тайгу, и создавая свою талантливую прозу. Эта правда дала действительно добрые ростки.

Четверть века отделяет меня от вечера в дороге, когда я услышал от Казакевича рассказ и песенку о первых землепроходцах Биробиджана. Об этих людях мне с новой силой напомнил первый секретарь обкома ВЛКСМ Л. Рейдель, рассказавший в комсомольской газете о славных делах молодых тружеников Еврейской автономной области:

«За штурвалом одного из первых тракторов в области был Ефим Рак. Шестеро его детей работают теперь в родном колхозе, четверо из них — специалисты с высшим образованием. Пионер колхозного садоводства Лейб Резник собрал с целинных гектаров первый урожай плодов и ягод. А сегодня всему краю известно имя его дочери Фейги Файман, чей труд на овощных плантациях отмечен орденами Ленина и Октябрьской Революции. Сыновья Фейги Моисей и Наум тоже трудятся в колхозе».

И мне подумалось, что речь идет о сыновьях тех, кто в пробуждавшейся тайге слушал у костра стихи и песню Эммануила Казакевича, кто поверил высокой правде, которой посвятил жизнь замечательный писатель, горячий интернационалист, подлинный советский патриот.

И еще мне вспомнилось, с какой ненавистью сеют английские сионисты и их пресса лживые небылицы о честных тружениках Еврейской автономной области, входящей в состав Российской Федерации.

Сначала в ходу были выдумки насчет того, что в Биробиджане нет ни одной еврейской семьи. Затем долго муссировалась злопыхательская версия о принудительной высылке евреев из Москвы, Ленинграда, Киева в Еврейскую автономную область. А на сей раз я услышал в Лондоне от Сони Гольдсмит ехидный вопрос: «Почему евреи в Биробиджане служат только в учреждениях и магазинах? На промышленные предприятия их не пускают? Или они сами там не хотят служить?»

Мне довелось беседовать со многими биробиджанцами из заводских цехов, читать их письма о том, с каким энтузиазмом трудятся они на фабриках и заводах. И совсем не для полемики с отпетой антисоветчицей госпожой Гольдсмит я хочу привести бесхитростное, дышащее жизненосным оптимизмом письмо инструментальщицы биробиджанского завода силовых трансформаторов С. Мендельсон:

«На заводе, где мы работаем, о нас говорят: рабочая династия. Наверное, это так и есть. Мой муж, Захар Самойлович, пришел сюда четверть века назад. Теперь он старший мастер потока, на котором собирают сложнейшую электроаппаратуру. Рядом с ним работают два его брата: Яков — бригадир сантехников и Ефим — сварщик. Их жены, Анна Ивановна и Сара Ефимовна, контролеры ОТК. Наши дети тоже на заводе. Старшая, Рая, — нормировщица, а младшие, двойняшки Роза и Зина, — монтажницы в комсомольско-молодежной бригаде.

А теперь скажите, что может быть радостнее для отца и матери, чем мысль о том, что их дети устроены, что они никогда не будут стоять в безнадежной очереди на бирже труда и что их молодые силы не будут растрачены напрасно, как это происходит там, на Западе? И это счастье иметь интересную работу закреплено в нашей Конституции. У нас есть не только работа, у нас есть уважение за честный труд. Орден, который получил Захар, так и называется: «Знак Почета»! О моих девочках уже через год после их поступления на завод писала газета «Молодой дальневосточник».

Сразу после школы дочери поступили в вечерний техникум, теперь уже учатся на третьем курсе. А если есть образование, можно спокойно думать о будущем.

Я часто думаю о том, как много пролито крови, как много положено сил, чтобы так жили в нашей стране еврейские семьи. Отец Захара сражался и был ранен в гражданскую войну. Мой отец был танкистом, пролил кровь, защищая Ленинград. А сколько сил отдал мой муж Захар, рабочий-коммунист, чтобы наш родной завод стал таким, как сейчас? Понимают ли все это мои девочки? Должны понимать и понимают».

Да, понимают всем сердцем. Это и приводит в ярость английских (и не только английских!) сионистов. Якоб Зоннтаг досадливо признался мне:

— Мы никак не можем найти ответ на вопрос, почему это вдруг из Биробиджана не уехал в Израиль ни один человек?

Единственный случай, когда сионистский редактор, говоря о Советской стране, не исказил правды: действительно, за все годы ни один житель Еврейской автономной области не внял сионистским посулам и не покинул своей Советской Родины.

Недоуменные вопросы по этому поводу задавала с нескрываемой досадой и «Джуиш кроникл», провокационно намекая на «особый режим» в Биробиджане.

Исчерпывающий ответ сионистским писакам дает в своем письме советская патриотка С. Мендельсон. Но разве решатся разглагольствующие о «свободе печати» руководители «Джуиш кроникл» опубликовать хоть строчку из этого правдивого письма!

А в Израиле который уже год сионисты с тупым постоянством продолжают привычное дело: изощренными вымогательскими средствами заставляют бывших советских граждан слать в Биробиджан знакомым и незнакомым людям обманные письма о том, что в государстве, находящемся под сионистским владычеством, нет, мол, и в помине, инфляции, нет деления израильтян на высшие и низшие сорта «по этническим признакам», нет гнетущей атмосферы военного психоза.

Не клюют труженики Биробиджана на такие цидулки. Об этом руководители «Джуиш кроникл» предпочитают умалчивать.

Окончание следует.

Вершины

Владимир НАУМОВ

ГОРЫ И ГОДЫ

А горы, как годы:
 чем дальше, тем выше,
И с новой ступени
 просторы видней!..
А годы, как горы:
 без грани, без крыши,
Лазурь — и вершины
 теряются в ней!
И счастье не в том,
 что достигнешь вершины,
А в том, что упорно
 идешь к высоте!..
Что ты не боишься
 зловещей лавины
И вызов бросаешь
 самой пустоте!

УТРО В ЛЕСУ

На опушку скользнули потоки лучей,
Птичий грай восхваляет погожее утро,
Вторит птицам проснувшийся горный ручей...
Все в природе созвучно, прекрасно и мудро.
Лучезарно сиянье идущего дня,
Расплескала роса по лужайке брильянты,
Ветерок шаловливо играет, маня,
Куст шиповника дразнится праздничным бантом.
А палатка, как парус, как легкий мираж,
Как челнок среди волн, что упрятали горы,
Золотится под солнцем, как вечный витраж,
И как будто бы рвется в степные просторы.
Чуть щебечет спросонья игрунья-река,
Воды плавно струятся, журча в перекатах,
Это будет всегда, бесконечно, века,
Пока солнце встает и пылает в закатах!

ВСКИНЬ РЮКЗАК

Если захандрил ты невзначай,
Пустота в груди образовалась,
Завари дорожный светлый чай,
Вскинь рюкзак... И пропадет усталость!
Ринься от автобусов в леса,
Поднимись по тропам выше в горы,
Там сейчас такие чудеса,
Синие, зеленые просторы!
Толпы розоватых облаков
Сгрудились в причудливые тени,
Горбятся извилины хребтов,
Громоздятся в синие ступени.
Тропка в полусумраке бежит,
Шаг пружинит по опавшей хвое,
А река грохочет и бурлит,
А вокруг смеется все живое!
Надо всем такая благодать,
В небесах насвистывают птицы,
И конца и края не видать
Чудесам ликующей зарницы...

Сочи.

ДРУГ ПУШКИНА

Лариса **КЕРЦЕЛЛИ**

Памяти Татьяны Григорьевны Цявловской

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты...

Эти строки посвящения «Евгения Онегина» обращены к одному из самых близких друзей поэта — Петру Александровичу Плетневу, чья безраздельная преданность Пушкину оставалась постоянной и неизменной на протяжении всей его жизни. Петр Александрович был не только другом и литературным единомышленником поэта, не только горячим его приверженцем, почитателем и критиком,— он был и издателем многих его произведений, в том числе и «Евгения Онегина» (кроме главы II), находившимся в курсе всех почти творческих его замыслов и устремлений. Письма Пушкина к Плетневу не просто письма к близкому человеку, другу, понимающему все с полуслова. Это вместе с тем и письма, так сказать, к коллеге — поэту, издателю, критику, мнение которого ставят весьма высоко и советы которого ценят; они наполнены деловыми поручениями, критическими замечаниями о появляющихся в печати сочинениях, порою — творческими сомнениями, часто — новыми замыслами, размышлениями о самом сокровенном для них обоих — о поэтическом творчестве. И все это всегда с уважением самым глубоким, с доверительностью интимною и «профессиональною» вместе.

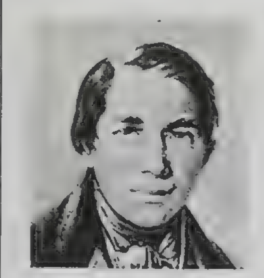
«Думаю написать предисловие,— пишет Пушкин в письме Плетневу в мае 1830 года.— Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить о Фаддее Булгарине? кажется, неприлично! Как ты думаешь? реши».

«Жду Годунова с поправками...— отвечает ему Плетнев.— ...Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине; следственно (по моему разумению) не стоит тебе якшаться с ним в этом месте: в другом бы дай чего не поучить...»

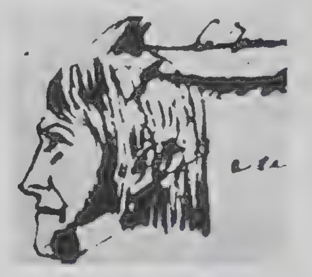
Пушкин всегда питал глубочайшее доверие к другу.

«Что делается у вас в Петербурге? — писал он Петру Александровичу из Михайловского в январе 1826 года.— ...я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит».

Вряд ли надо кому-нибудь объяснять, что не всякому стал бы писать ссыльный Пушкин о своей «короткой связи» с осужденными декабристами.

П. А. Плетнев.

П. А. Плетнев — рисунок Пушкина.

Почти вся переписка поэта с Плетневым преисполнена теплым участием и трогательными заботами о друге.

«Что с тобою, душа моя?.. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться».

«Мой милый, я очень беспокоюсь о тебе. Говорят, в Петербурге грипп...»

«Что это значит, душа моя? ты совершенно замолк. Вот уже месяц как от тебя ни строчки не вижу... не болен ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто ленишься да понапрасну друзей своих пугаешь...»

Не многие из корреспондентов Пушкина получали от него такие поистине родственные письма и не каждого дарил он такою дружбой и сочувствием! Но и Петр Александрович также всецело предан был своему другу.

«Когда будет тебе нужда в деньгах, напиши ко мне только: *пришли (имярек рублей)!* Я всегда могу для тебя достать»,— пишет Пушкину в июле 1825 года в Михайловское Плетнев, вовсе, в сущности, не располагавший сколько-нибудь значительными личными средствами.

Сердечность его отношений с поэтом особенно явственно проступает в его простодушных и по-детски открытых признаниях.

«Мне так более всего обидно,— пеняет он в январе 1827 года Пушкину,— что ты не намекнул даже мне, какие у тебя литературные планы. Правду сказать, что я в любви самый несчастный человек. Кого ни выберу для страсти, всякой меня бросит».

«Жду зимы, чтобы согреть близь тебя душу»,— читаем мы в другом его письме Пушкину (июль 1831 года).

В регулярной в общем-то переписке Пушкина с Плетневым отсутствует 1828 год — один из самых смятенных и в то же время творчески плодотворных в его жизни. Писать письма было не нужно — Пушкин живет в Петербурге. Весна — лето этого года — время постоянных, почти ежедневных общений Пушкина и Плетнева. 3 июля 1828 года поэт пишет из Петербурга своему приятелю С. А. Соболевскому: «Мой адрес: на имя Плетнева Петра Александровича — в Екатерининский институт».

Петр Александрович был человеком не слишком-то светским. Не блистал остроумием в светских гостиных и не всюду бывал, где бывал часто Пушкин. Однако в «душевной», по выражению Льва Толстого, жизни поэта место Плетнева не занимал никто. И не случайно поэтому в рабочей пушкинской тетради (ПД 838), среди черновых строк «Воспоминания» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») и окончания посвященного Анне Олениной стихотворения «Ты и вы» (май 1828 года), рядом с профилем Адама Мицкевича мы находим прекрасный портрет Плетнева.

Не случайно также и столь тесное соседство этих двух портретов — Мицкевича и Плетнева. Петр Андреевич Вяземский писал 2 мая 1828 года жене своей из Петербурга: «Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым... Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас... силою, богатством и поэзиею своих мыслей...»

Вспоминал впоследствии об этой импровизации Мицкевича и Плетнев. В письме Я. К. Гроту от 8 сентября 1845 года он писал: «Мицкевич импровизировал... у Пушкина, еще холостого и жившего тогда у Демута. Там были: Вяземский, Дельвиг, я и еще кто-то».

Пушкин и Жуковский, по словам П. А. Вяземского, «глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии (импровизацией Мицкевича.— Л. К.), были в восторге».

Представляется очень возможным, что именно как воспоминание об этом вечере появились портреты Мицкевича и Плетнева на заполнявшемся в мае листе (л. 14 об.) черновой рукописи Пушкина.

Портрет Плетнева, не имевший до сих пор иконографического отождествления, а потому в общем мало известный, по характеру исполнения (в этом случае весьма тщательного) занимает особое место среди прочих рисунков поэта, обычно небрежных и легких, часто незавершенных. Портрет старательно проработан, моделирован на уровне почти что профессиональном. При всем том это рисунок типично пушкинский, отличающийся необыкновенно точной передачей основных, существеннейших черт лица портретируемого.

Как всегда у Пушкина, в этом «новом» портрете Плетнева поражает нас чрезвычайно искусно воспроизведенный им взгляд того, кого он рисует. Именно глаза — глубоко посаженные, небольшие, необыкновенно живые и доброжелательные — раскрывают нам в первую очередь «тайну» рисунка. Нет ничего более неповторимого в человеке, чем глаза, чем его взгляд, и вот глаза-то Пушкин и передает в своих рисунках как великий мастер постижения человеческого характера. Почти каждый портрет его — это образ, это характеристика в самом полном и собственном смысле слова.

«Чистое сердце, светлый и спокойный ум, бескорыстная, беспредельная, теплая преданность друзьям, нрав кроткий, мягкий и уживчивый, добросовестное, не по расчетам, не в виду житейских выгод и в чаянии блестящих успехов, но по призванию, но по святой любви, служение литературе, изящный и верный вкус, с которым любили справляться и советоваться Баратынский и сам Пушкин,— ...все это давало Плетневу особенное значение и почетное место в обществе нашем»,— вспоминал П. А. Вяземский. И замечательные эти качества — добросердечие и проницательность, душевная чуткость и деликатность, отличавшие Петра Александровича Плетнева и высоко ценимые всеми друзьями его, хорошо угадываются в пушкинском рисунке, как нам думается, одном из выразительнейших во всей его портретной графике.

ПО ПУСТОТЕ ДУШЕВНОЙ...

Виктор ПРОНИН

Фотография получилась удивительно хороша. Дальний берег степного озерца скрывается в легком осеннем тумане, в неподвижной воде отражаются высохшие камыши, прозрачный кустарник, белесые, неживые травинки. А на этом берегу под громадным дуплистым деревом стоит невысокий парнишка с длинными волосами. Лицо его с выражением грустной задумчивости как нельзя лучше подходит всему настроению снимка. Ему одинаково хорошо подошла бы подпись «Одиночество», или «Юность», или «Первая грусть»... Но только придумывать название нет надобности. Оно написано тут же, на желтой казенной бумаге фиолетовыми чернилами: «Виктор Мельник показывает место, где он нанес смертельный удар ножом Вячеславу Лавриненко». Фотография эта сделана во время следствия и подшита в уголовном деле, а берег, который столь красиво выглядит на следственном снимке,— зона отдыха невдалеке от поселка Куриловка, Царичанского района Днепропетровщины.

Внимательно перелистав уголовное дело, нельзя не обратить внимания на одну странность: в самом конце, уже после обвинительного заключения следователя, подшиты два письма, очень похожих, написанных от руки на листах ученической тетради. В одном письме рабочий коллектив большого цеха требует от суда исключительной меры наказания для обвиняемого. Авторы другого письма просят суд отнестись к тому же обвиняемому со всей снисходительностью, позволенной законом, поскольку он молод, а в его действиях не было злого умысла и расчета и поскольку все случившееся — трагическое недоразумение.

Письма эти невольно обращают на себя внимание не только противоположностью содержания, но и совершенно различным подходом к личности обвиняемого. В письмах, хотят того авторы или нет, дается различное толкование самого преступления.

Что же произошло на красивом берегу озера?

В одно из воскресений сюда приехали отдохнуть молодые рабочие треста Дзержинскстрой и металлургического завода имени Дзержинского. Играли в футбол, танцевали под гармошку, пели — в этот теплый весенний день настроение у всех было преотличное. Здесь же, на берегу, в двухстах метрах, расположились ребята из соседней Куриловки. Некоторые парни из обеих групп хорошо знали друг друга, встречались на улицах соседнего города, учились в одних профессионально-технических училищах, проходили практику на одном заводе, на этом же заводе и работали.

И все было бы прекрасно: весеннего ветра и теплого солнца хватало всем, но местным парням этого показалось мало для хорошего отдыха. Да, опять водка. Выпив, они почувствовали себя вольготнее, хозяевами почувствовали, решили потребовать у приезжих объяснения: по какому праву прибыли, уважают ли хозяев?

Согласитесь, анекдотичный вопрос «Ты меня уважаешь?» не так уж прост, не для смеха он задается, не от хорошего настроения. Зачастую произносит его человек, уже почувствовавший, как в душе поднимается что-то злое, неуправляемое. И если кто еще крикнет: «Наших бьют!» — то вроде и рассуждать грешно, неписаный закон требует — хватай чего потяжелее и беги, выручай. Привожу эти выражения, потому что на берегу озера прозвучали они оба: и вопрос «Ты меня уважаешь?» и крик «Наших бьют!».

Осужденных по делу оказалось четверо: Виктор Мельник и его друзья — Николай Перепелица, Сергей Квак, Леонид Беркут. Перепелица и Беркут учились в профессионально-техническом училище, Квак — в индустриальном техникуме, а сам Мельник уже работал на заводе. Друзья Мельника наказание получили сравнительно небольшое, хотя их вина не так уж и мала. Именно они первыми двинулись на дальний берег озера к приехавшим молодым рабочим: кто такие? Почему здесь?

Обратите внимание, еще ничего не произошло: все так же светило солнце, приехавшие беззаботно отдыхали на берегу, еще далеко было до ссоры, и почти невозможным, невероятным казалось преступление. Но первые шаги к нему уже пройдены, вполне осознанные, настойчивые, целеустремленные шаги. Эти шаги сделали Перепелица, Квак и Беркут, которые, опасливо пригнувшись, кустами двинулись к гостям. Правда, удали у них поначалу хватило лишь на то, чтобы поугрожать издалека. Получив отпор, нападавшие бросились удирать. Над ними посмеялись да и забыли о происшествии.

Но не забыли нападавшие. Они окончательно убедились в том, что их «не уважают», и пошли за подкреплением. Вооружившись палками, ножами, досками от забора, они — теперь их было уже около двух десятков — пошли проучить насмешников.

Пишу об этом, мысленно видя перед собой подшитое в уголовном деле письмо, авторы которого все происшедшее на берегу озера объясняют трагическим недоразумением и как о смягчающем обстоятельстве говорят о том, что не было в действиях обвиняемых расчета и корысти. Корысти, возможно, и в самом деле не было, а вот расчет, стремление доказать свое превосходство, унизить чужое достоинство — это было. И уж, во всяком случае, говорить о случайном недоразумении здесь не приходится.

А что же главный обвиняемый? Какое участие во всех этих событиях принял Мельник? Он в это время готовил на берегу обед — чистил картошку. И вдруг крик: «Наших бьют!» И он, бросив картошку, но не бросив перочинного ножа, побежал. А драка уже заканчивалась. Вмешались ребята повзрослее: того оттащили, этому дали коленом под одно место, а кто и сам успокоился. Мельник же, прибежав на место, не раздумывая, ткнул ножом первого попавшегося человека. Это был Вячеслав Лавриненко.

Казалось бы, все ясно: совершено преступление, преступники изобличены и наказаны. Правосудие сказало свое слово, каждый из обвиняемых получил по заслугам. Кстати, когда Мельник вернется на свободу, ему будет под сорок — кое-какие итоги жизни можно подводить. А какие у него будут итоги, если он к тому времени почти половину сознательной жизни проведет в заключении... Печально, но тут уж ничего не поделаешь.

Разговор принял бы действительно иной оборот, если бы речь шла о закоренелых хулиганах, о людях опустившихся. А то ведь нет, не из той обоймы преступники оказались. У них, правда, примитивные понятия о чести и о тех способах, которыми допустимо отстаивать собственное достоинство, но в глазах окружающих, в глазах людей, которые их хорошо знали или полагали, что хорошо знают, они выглядели вполне пристойно. Настолько, что преподаватели, односельчане, знакомые не колеблясь написали в суд ходатайство о снисхождении к подсудимым.

Давайте и мы познакомимся с ними поближе...

Николай Перепелица. Этот шестнадцатилетний учащийся ГПТУ, по дружным заверениям преподавателей и соседей, добросовестно относился к учебе, в группе пользовался авторитетом, участвовал в общественной жизни училища. А на берегу первым затеял драку, причем с товарищем, которого хорошо знал по училищу. Во время драки с таким ожесточением бил людей дубиной, топтал ногами, что брала оторопь: откуда у него столько злости?

Леонид Беркут. Считался одним из самых дисциплинированных учащихся ГПТУ, неплохо работал на производстве во время практики. В училище отмечают его доброту, спокойный характер, рассудительность. А штык от винтовки, найденный на месте происшествия, принадлежал именно ему. Этим штыком он пытался нанести удары двум приехавшим на отдых ребятам, которых подстерег в кустах. Со штыком Беркут частенько хаживал по улицам родной Куриловки, брал его и в училище. Вот и дождался момента, когда штык кстати оказался.

Сергей Квак. Учащийся индустриального техникума. Постарше других, пообразованнее. Отмечают его интерес к общественной жизни, к самодеятельности. А увидев на берегу, что Беркут не очень ловко со своим штыком управляется, проявил, помимо перечисленных качеств, еще и решительность, полное пренебрежение к чужой жизни. «Дай штык!» — крикнул он Беркуту. И, схватив оружие, бросился на первого попавшегося человека.

И, наконец, Мельник. Его отец рассказывает, что никогда не слышал о Викторе дурного слова, тот всю зарплату матери отдавал, со старшим братом ладил...

Интересен разговор Виктора Мельника со следователем.

— Что заставило вас броситься на человека с ножом? — спрашивает следователь Мельника.

— Ну как что... Увидел, что наших бьют, не смог удержаться... Ребята потом не простили бы.— И разводит руками, говорит тихо, растерянно пожимает плечами.

— Но ведь ваших-то было в несколько раз больше! Ваших никто не бил, они били.

— Разве сразу поймешь... Только прибежал, а тут передо мной этот парень в тенниске...

— Он вас ударил?

— Может, он и не ударил меня... Но кто ж его знает, что у него на уме! Драка!

— А потом что было?

— Потом я к девушке пошел, домой...

— Нет, а перед тем, как вы пошли к девушке? Многие рассказывают, что вы носились по берегу, размахивали ножом...

— Может, и было...

— Почему же все это произошло?

— Злым был...

— Почему? На работе не ладилось? С девушкой?

— Выпили мы тогда... Вот и все.

Все очень просто, как видите. Так просто, что дальше некуда. Воскресенье наступило, день выдался солнечный, друзья собрались — отчего бы и не выпить? Выпили. Кто-то где-то с кем-то подрался — отчего бы и не вмешаться? А то ведь и вспомнить нечего будет... Нож в руке оказался — почему бы и не ударить?

Если уж говорить о случайности, то она в том, что именно Мельник стал преступником, а не его приятель, в том, что именно его ножичек стал орудием преступления, а не тот же штык, кирпич, каблук...

Вряд ли все следует списывать и на водку. Ведь, выпив, далеко не каждый лезет в драку, сквернословит. Люди и песни поют, и пляшут без удержу, и смеются без причины. Иногда и вполне достойный человек под действием винных паров ведет себя так, что потом месяцами от знакомых прячется.

Да, в тот день могло и ничего

не произойти, могло все кончиться синяком под глазом или ссадиной на физиономии. И по-прежнему Беркут носил бы в портфеле остро отточенный штык, и Квак все так же ходил бы по улицам, сплевывая семечную шелуху да задиристо поглядывая вокруг: не смеется ли кто над ним, не говорит ли о нем чего обидного? И Мельник не забывал бы время от времени поправить на оселке свой ножичек. Но не случись ничего на этот раз — подвернулся бы другой случай. Может быть, и не с таким печальным исходом. Логика событий позволяет предположить, что внутренне подсудимые были вполне готовы к тем ролям, которые им довелось сыграть на берегу озера. Они, может быть, сами не заметили, как детские игры превратились в серьезные и опасные поиски приключений.

Смотрите, ведь все происшедшее нельзя назвать результатом непредвиденного стечения обстоятельств, когда человек не волен отвечать за свои поступки. Подсудимые своими настойчивыми и вполне осознанными действиями сами создали критическую ситуацию, в которой так четко и так трагично проявились их качества, столь странно не замечаемые родителями, преподавателями в училище, старшими товарищами на заводе.

Недостаток житейского опыта, ограниченность воззрений неизбежно толкают на соблазн принять некую упрощенную схему человеческих взаимоотношений, основанную на силе и комплексе превосходства. А отсюда решения, принятые заранее, авансом. На все случаи жизни. Да, смысл случившегося еще и в том, что осужденные поступили «в точном согласии с давно принятыми решениями». Это удобно, это избавляет от раздумий и колебаний, это позволяет выглядеть сильным и уверенным.

Такова предыстория двух писем, подшитых в уголовном деле сразу вслед за обвинительным заключением. Читая их, прекрасно понимаешь и гнев рабочих, товарищей погибшего Вячеслава Лавриненко, и растерянность авторов следующего письма. В то же время трудно избавиться от впечатления, что люди, вступившиеся за обвиняемых, хотят они того или нет, но в определенном смысле следуют логике поступков самих преступников: наших бьют — нечего разбираться, они всегда правы, хотя бы потому, что они наши, а ежели они в беде оказались — надо выручать, независимо от того, правы они или виноваты. И тут, как говорится, все средства хороши: не грех суду подсказать, какой приговор желательно бы вынести, а характеристики изготовляются такие, что их впору вставлять в золотые рамки...

А в общем, надо сказать, что не хватило у людей мужества принять приговор таким, каков он есть,— ни у осужденных, ни у их заступников. Заверениям в полном и чистосердечном раскаянии не очень-то веришь: стоило закончиться суду, как во все инстанции посыпались письма, жалобы — больно строг, дескать, приговор...

И совершенно не принимается во внимание та простая и очевидная мысль, что строгость по отношению к преступнику — это справедливость и гуманность к пострадавшему, к его родным, детям, друзьям.

ВСТРЕЧИ С СИМЕНОНОМ

Имя Жоржа Сименона запомнилось мне еще в тридцатых годах, когда в газете «Вечерний Парижа» появились блестящие репортажи малоизвестного журналиста о нашумевшем убийстве биржевого дельца Стависского. Появились и вдруг оборвались. Расследование заглохло под давлением правительственных кругов.

В 1958 году д'Астье де ла Вижери (друг моего мужа В. В. Сухомлина) получил в СССР международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Он привез мне роман уже знаменитого Жоржа Сименона «Президент» и сказал, что считает ее лучшей книгой писателя. Если я сделаю перевод, то он, д'Астье де ла Вижери, напишет предисловие. В книгу, выпущенную издательством иностранной литературы, вошло несколько произведений под общим названием «Желтый пес», в том числе и мой перевод «Президента». Когда книгу получил Сименон, у нас завязалась переписка. На мой вопрос, правда ли, что прадед писателя был русским, Сименон ответил: «Отец мой рассказывал мне наше семейное предание. Когда русские войска, преследуя Наполеона, шли через Бельгию к Парижу, то под Льежем один из русских солдат сильно заболел. Его приютил зажиточный фермер. Выздоровев, солдат — его звали Семен — женился на дочери фермера и остался в Бельгии»...

В 1978 году я поехала в Швейцарию и, конечно, написала живущему в Лозанне Сименону, что очень хотела бы его повидать. Тут же получила приглашение приехать.

...Машина подъехала к скромному домику. Дверь открыла приветливая темноволосая женщина, а навстречу, улыбаясь, уже шел Сименон. Он прост и серьезен, у него приятное моложавое лицо, искренняя улыбка, умные, внимательные карие глаза. В 1978 году ему исполнилось 75 лет, но выглядел писатель гораздо моложе. Мы заговорили о его книгах; он сказал, что по утрам диктует воспоминания, но романов больше не пишет.

Сименон подарил мне свою фотографию и книгу «Письма к матери», надписал ее: «Татьяне Сухомлиной, моей первой переводчице в России...»

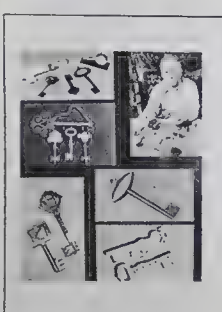
Через год я снова была в Швейцарии. На этот раз взяла с собой гитару. По просьбе друзей я пою старые песни и романсы, которые слышала еще от бабушки, а потом стала собирать сама. Мою коллекцию нот, кстати, приобрел музей музыкальной культуры имени Глинки в Москве, а гитару работы Ивана Батова десять лет тому назад я подарила Эрмитажу; она находится в экспозиции под портретом графини Шереметевой (так как Батов был крепостным графов Шереметевых)...

Я вновь побывала у Сименона. Он постарел: его надломила неожиданная смерть дочери... Вспоминали Париж, живших там в тридцатые годы художников. Потом Сименон попросил меня спеть... Мне и в этот раз особенно запомнились глаза Сименона: они смотрят как бы в глубину души... Через несколько дней Сименон наговорил и прислал мне кассету. Вот ее фрагменты: «...Я всегда любил русскую музыку, как классическую, так и народную, столь разнообразную в вашей прекрасной стране. Но я незнаком с теми старыми песнями, которые пела ваша бабушка и которые вы сохранили так хорошо... Вы раскрыли их грусть, их глубину. Большое спасибо, моя дорогая Татьяна!

К сожалению, я знаю лишь юг вашей страны, где дважды побывал. Теперь хотел бы узнать вашу страну всю целиком. К несчастью, вот уже много лет, как я не могу больше путешествовать...

Кланяйтесь, прошу вас, моим русским друзьям, которых вы знаете...».

Т. ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА

КЛЮЧИ НА ПАМЯТЬ

Как известно, коллекции бывают разные: собирают марки, значки, старые пластинки, открытки, спичечные этикетки, картины, фарфор, сундуки, кактусы, гладиолусы...

Москвич, преподаватель электротехники Борис Павлович Рябкин собирает ключи. Ключи от городов. Те самые, которые периодически появляются на прилавках сувенирных магазинов. За восемь лет Борис Павлович собрал семьдесят таких ключей. Есть среди них и залетные гости — из Болгарии, Чехословакии, Югославии, США. Но больше всего ключей советских городов — Риги, Таллина, Бреста, Архангельска, Ярославля и многих других.

Вот ключ, на котором замысловатой вязью выведено: «Господин Великий Новгород». На обороте — герб города и год основания — 859. Ключ Архангельска, огромный, более полуметра в длину, сделан из мореного дуба. Резчик изобразил на нем шхуну помора и компас. В ключ Варшавы вмонтировано устройство, позволяющее просматривать микрослайды городских достопримечательностей. Такой же слайд-фильм и в недавно выпущенном к Олимпиаде ключе Москвы.

Есть тут и ключи, которые несут свою службу в быту,— вешалка, будильник, штопор, авторучка.

— Сложно ли пополнять такую коллекцию? — спросил я Бориса Павловича.

— Не просто. Но я слежу за появлением каждой новинки. Узнал, что в Новгороде появилось сразу три ключа. Искал их в Москве — не нашел. Написал новгородцам, попросил выслать. Честно говоря, не очень верил в успех. Однако вскоре получил бандероль с ключами, аккуратно переложенными ватой. Жаль, что не знаю, кому за это спасибо сказать. Отзывчивые, добрые люди живут в Новгороде. А еще я замучил, верно, всех своих путешествующих знакомых просьбами привозить ключи.

Георгий РОЗОВ

Наум ЛАБКОВСКИЙ

РАССКАЗ

ИСКУССТВО СЛУШАТЬ

У моей жены педагогические наклонности.

Сама она уже давно не учится. Даже на ошибках. Но продолжает учить меня. Одиннадцатый год. Первые десять я терпел. И выучился.

Теперь, когда жена приступает к очередной лекции, я включаю телевизор. Или радио. Или магнитофон.

В этом смысле современная техника предоставляет большие возможности.

Но жена научилась обращаться с техникой.

Я включаю телевизор, жена его выключает.

Я кручу ручки транзистора, жена уносит его на кухню.

Я ставлю кассету на магнитофон, жена вынимает вилку из розетки.

И продолжает меня учить.

Я получаю массу полезных сведений.

Оказывается:

— если холодильник выключать только на один день в неделю, то срок его службы увеличивается на 52 дня за год;

— если пылесос выключать только один раз в неделю, то соседи через два месяца дают объявление об обмене квартиры;

— от магнитофона все часы в доме намагничиваются и начинают показывать время по Гринвичу;

— настоящий мужчина слушает женщину, не перебивая, даже если это грозит ему одиночной палатой в клинике для нервнобольных...

Слава богу, у жены есть подруги. Их тоже можно учить. С тех пор, как я стал увиливать от учебы, жена принялась за подруг. Но у них свои мужья, которых тоже есть чему поучить.

Осталась одна подруга. Ирина Сергеевна. Милая женщина, скромная, красивая, терпеливая, незамужняя.

Она может часами сидеть у нас на кухне и слушать лекции моей жены. Сковородки шипят, вода журчит в кранах, в воздухе плавают ароматы будущих вкусных блюд, а Ирина Сергеевна слушает.

Я блаженствую у себя в кабинете. Работаю. Читаю. Размышляю. Наконец, просто слушаю радио.

Временами с кухни доносятся до меня восторженные возгласы Ирины Сергеевны:

— Что ты говоришь!

— Ах, как это интересно!

— Кто бы мог подумать!

— Ни за что бы не поверила!

— И откуда только ты все это знаешь!..

Моя жена не устает ставить ее мне в пример.

— Ирина Сергеевна умеет слушать!

— У Ирины Сергеевны пытливый ум!

— Ирина Сергеевна любознательна и терпелива...

Буду откровенен: в этом нет ничего удивительного.

И я бы тоже, наверно, умел слушать, и у меня был бы пытливый ум, и я был бы любознателен и терпелив, если бы мне за все это делали такие же подарки, какие я делаю Ирине Сергеевне первого и пятнадцатого числа каждого месяца...

КРУЧИНА

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

Баба Тася кручинилась. Сидела у окошка и кручинилась. А вот с чего, понять не могла. Вроде бы и беспричинно.

За окошком весна вытурнвала со двора зиму: зазвенела капель, растрезвонились пернатые, раскочегарилось солнышко; жирный кот Монах дрых на крылечке...

Хорошо было за окошком. А на душе у бабы Таси было так себе. Да чего уж там — скверно было. Хотелось тяжко вздыхать, постанывать... А если по правде — сейчас баба Тася не отказалась бы и всхлипнуть. Вот только сызмальства она себе ничего такого не позволяла. Кремень-девка росла.

Теперь давно уж — кто упомнит? — слыла она по деревне кремень-бабой. И вдруг такая кручина! «Что за напасть, откуда взялась? — мучилась баба Тася, уставившись в оконце, но не видя ни солнышка, ни кота Монаха.— Надобно докопаться — не то не полегчает».

И принялась баба Тася вглядываться ревизующим оком в свою личную жизнь, резонно подозревая, что именно там укрылся исток тоски-кручины.

Сперва баба Тася услышала голос своего благоверного — плотника Ульяныча. Голос был подстертый, двухнедельной давности.

«Тась, пошто меня в больничку-то? Аль тут, в родной избе, преставиться не имею права?»

«Я те преставлюсь! — бодрила деда баба Тася.— Хвори с гулькин нос — страху с целый воз».

«Так нть хворь-то с подковыркой»,— защищал дед свою болезнь.

«Это пневмония-то с подковыркой?! Да нынче доктора на нее тьфу! Неделя — и снова летай по деревне петух петухом!»

И хоть минуло уже две недели, а Ульянычу все еще не до того было, чтобы петушиться, баба Тася веры не теряла: «Оклемается!»

Нет, не Ульяныч со своей пневмонией напустил кручину на бабу Тасю. И она перекинулась мыслью на дочку Любашу и зятя Кольку. Ее ухо припомнило недавнюю словесную потасовку молодых.

«Это щи, да?» — гудел зять Колька, тыча просоляренный палец в тарелку.

«Не нравится — не ешь», — находчиво пела в ответ дочка Любаша.

«У меня завтра симпозиум передовиков — погладила бы рубаху»,— нагло требовал зять Колька.

«Чай, и у самого руки не отсохнут, коли утюг поднимешь»,— не давала сесть себе на шею дочка Любаша.

«Я на такую жизнь не нанимался»,— мямлил зять Колька.

«Скатертью дорожка! — улыбчиво ворковала дочка Любаша.— Иждивенцы нам без надобностей».

Баба Тася даже не вздохнула — ни тогда, ни теперь: эка невидаль, милые бранятся — только тешатся; они вот с дедом, бывало, и горшками друг в дружку метили, а ничего — век скоротали...

Может, Вовка, внучок, какой номер выкинул? Шустряк растет, шалунишка... Зимой к соседям на крышу залез, трубу старой телогрейкой заткнул — дым как повалит в избу! А Вовка уже в дверях. «Пожар! — кричит.— Выносите вещи!» И сам хвать что по силенкам да на мороз. Пока горемыки расчухали, что к чему, половину барахла на снег снесли... А вчера учительнице в сумку мышь посадил. «Вовочка, ты зачем это сделал?» — расстроилась учительница. «Вы ж сказали, что боитесь их до с м е р т и. А вам хоть бы что! — обиделся Вовка.— Только детей обманываете!»

«Не то, не то,— кручинилась пуще прежнего баба Тася.— Кто в семь лет не озоровал!»

Она поднялась с лавки, неспешно прошла сени, толкнула наружную дверь и замерла на крыльце. Вольный воздух, настоянный на талом снеге, обрушил на нее всю свою целебную силу. Но душа бабы Таси не исцелялась.

Неожиданно звонкую весеннюю кутерьму придавил жалобный коровий рев. В него тотчас вплелись истерическое куриное кудахтанье и злой свинячий хрюк. Большое хозяйство было у бабы Таси. Но сердце ее не зашлось оттого, что хозяйство не кормлено, не поено, не доено.

Баба Тася поддела тапкой кота Монаха и вернулась в горницу. «Все это пустяки,— заключила она, перетряхнув события личной жизни.— Совладает мой дедок с пневмонией, помирится Любаша с Колькой, вырастет Вовка человеком...» Тут везде дело обязано было сладиться-склеиться, а стряслось-то что-то такое, чего уж никак не поправить. Потому и не шла кручина на убыль.

Чтобы хоть чуточку отвлечься, баба Тася включила радио.

— ...Матч закончился со счетом 2 : 0 в пользу команды «Нант». Конечно, еще не все потеряно, и если наши ребята покажут присущий им бойцовский характер... К сожалению, во Франции французам будут помогать французские стены... На этом мы заканчиваем наш репортаж из Тбилиси. Вел передачу Котэ Махарадзе,— грустно сказал Котэ Махарадзе бабе Тасе.

— Во-от оно что-о...— простонала баба Тася.

Значит, еще полтора часа назад ничего не стряслось! Ровным счетом ничего! Но тяжкое предчувствие, томившее бабу Тасю с утра, не обмануло ее: наши футболисты опять продули...

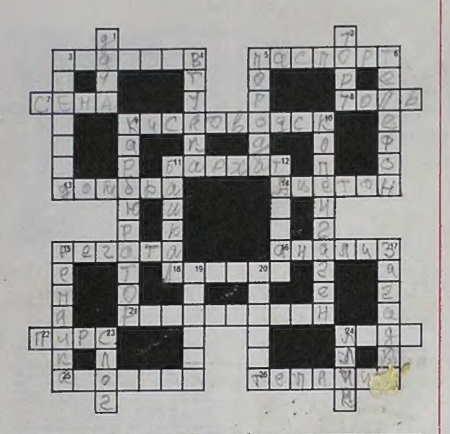
Деревянно присела баба Тася на лавку: за долгие годы не взрастила в себе старая и хилой поросли иммунитета. А кто, ежели разобраться, взрастил?!

И тут спохватилась баба Тася: никак нельзя, чтоб ее, кремневую-то, в таком разобранном виде кто углядел — вся деревня расквасится, производительность уронит. Мужики уж, небось, загоревали...

— Ладно, хватит,— приказала себе баба Тася.— Не впервой. Не привыкать. Подумаешь, Кубок обладателей кубков... Главное, чтоб олимпийские хлопцы с Костей Бесковым не подкачали...

И баба Тася с надеждой глянула в окошко, где было хорошо.

Однако ж камень с души не скатывался...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Советский физик, академик. 5. Документ, удостоверяющий личность. 7. Река во Франции. 8. Кровельный материал. 9. Курорт в Ставропольском крае. 11. Ткань с густым ворсом. 13. Казахский народный музыкальный инструмент. 14. Органическое соединение, применяемое в производстве лаков. 15. Большие соревнования на спортивных судах. 16. Метод научного исследования. 18. Красящее растительное вещество. 21. Композитор, создавший оперу «Демон». 22. Причальное сооружение. 24. Изобретатель буквопечатающего телеграфного аппарата. 25. Итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». 26. Помещение для выращивания растений.

По вертикали: 1. Участок земли при доме. 2. Кондитерское изделие. 3. Химический элемент, газ. 4. Цилиндрическая деталь. 5. Группа сельскохозяйственных животных одного вида. 6. Переговорное устройство. 9. Прибор в моторе автомобиля. 10. Столица европейского государства. 11. Озеро в Сибири. 12. Приток Оми. 15. Краткий ответ, замечание на слова оратора. 17. Замысловатый вопрос или иносказание. 19. Сольное вокальное произведение с мелодией декламационного характера. 20. Плато между Аральским и Каспийским морями. 23. Единица ритмической речи. 24. Двухмачтовый парусный корабль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 12

По горизонтали: 7. Матейко. 9. Ермолай. 10. «Трактористы». 11. Баку. 12. Бязь. 13. Лазарев. 15. Шапито. 16. Атлант. 17. Вульдозер. 20. Домино. 22. Кварта. 24. Вершина. 27. Арпа. 28. Ирис. 29. «Буревестник». 30. Беллини. 31. Идиллия.

По вертикали: 1. Камбала. 2. Нептуний. 3. «Москва». 4. Гедике. 5. Колыбель. 6. Магазин. 8. «Прозаседавшиеся». 13. Лопухов. 14. Варежка. 18. Мирабель. 19. Каникулы. 21. Обручев. 23. Триптих. 25. «Еретик». 26. Нитрит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Русская кадриль в исполнении студии народного танца Дворца культуры имени Горького в Москве. (См. в номере материал «Они готовятся к Олимпиаде».)
Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Б. П. Рябинин и его коллекция ключей. (См. в номере материал «Ключи на память».)
Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 03.03.80. Подписано к печати 18.03.80. А 00338.
Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 760. Заказ № 2016.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«АБВГДейка» НЕ ПРОСТО ИГРА

ТВ

Чего только нет в этом огромном, запечатанном сургучными печатями мешке, который лежит на столе! Письма, бандероли с рисунками, ярко раскрашенные альбомы, вышивки... Их несколько сотен. Такова ежедневная почта телепередачи «АБВГДейка». Вряд ли еще какой-нибудь отдел писем принимает столь разнообразную корреспонденцию, да еще с таким количеством орфографических ошибок. Ведь многие из авторов писем пока еще не ходят в школу.

«...Мне после вашей передачи начинается тянуть к учебё»,— пишет Наташа Николаева из Москвы.

«...Я вам не написала своиго имя только написала букву С. Иришка (имеется в виду Ириска.— А. С.) отгодает, как меня зовут». Это строчки из письма С. Ульяницкой; она живет в селе Полтавке, Кировоградской области.

Для большинства ребятишек это письмо—первое в жизни. И как же бывает трудно его написать! Но не написать нельзя. Ведь это же письмо друзьям: Татьяне Кирилловне и ее веселым помощникам-клоунам Ириске, Клёпе, Юре и Лёвушкину.

Клоунов дети просят приходить к ним в гости почаще. И ждут ответов. «...Каждый день ждет письмо от Клёпы»,— пишет из города Горького мама о своем сыне Эдике.

Двадцать четыре субботних утра. И двадцать четыре выпуска телепередачи «АБВГДейка» в год. Двенадцать премьер (и двенадцать повторов). Много это или мало? Судя по детским письмам— очень мало!

Малыши тянутся к любимой телепередаче, ждут ее. Если бы изобрести прибор, измеряющий уровень ребячьей радости, то во время выхода «АБВГДейки» в эфир он показал бы самую высшую отметку.

Передача не только развлекает. Она учит. «Это учеба и игра»,— поется в песенке перед началом. Передача учит писать буквы и составлять из них слова, производить нехитрые арифметические действия. Она дает детям почувствовать свои силы и пробуждает интерес к самостоятельным занятиям, к самообразованию... Недаром многие сценки с участием клоунов построены так, чтобы дать ребенку возможность самому найти правильный ответ или решить, как нужно поступить в данной ситуации. Проверено: детям вполне хватает времени, чтобы сделать это раньше Клёпы или Ириски; и вот им уже не сидится спокойно у экрана! Им не терпится подсказать клоунам ответ, поделиться своим открытием. А сколько радости, если еще и Татьяна Кирилловна похвалит!

...Пропал Лёвушкин. Заблудился в самом центре большого города. Скорее на помощь! Ведь он даже не знает, как надо правильно переходить улицу. В машине ГАИ клоуны мчатся на поиски своего непутевого друга. А вот и он: наивный Лёвушкин на самом перекрестке пытается остановить грузовик. Ай-ай-ай, ну разве так можно?! Ты посмотри, друг Лёвушкин, ведь даже в детском саду все знают, что такое светофор и для чего он нужен. А «зебра» — это не африканское животное, но место, где можно переходить дорогу. Теперь понял? Ну, то-то же! Хорошо еще, что друзья вовремя подоспели, а то бы не миновать беды...

Кроме явно учебных сюжетов, передача содержит много интересного. Она знакомит маленьких зрителей с явлениями окружающей жизни, рассказывает о труде взрослых, о природе, о животных. Она учит, как нужно вести себя на улице, в общественных местах, в гостях. Показывает примеры дружбы и взаимовыручки... Ну, а что за детская передача без сказки! И наши герои попадают в самые различные сказочные ситуации. В одной из передач маленькие зрители встретились, например, с Кащеем Бессмертным: неплохо бы и ему подучиться — он хоть и бессмертный, а неграмотный.

Продолжается работа над созданием новых передач «АБВГДейки».

— Работая над этими передачами, мы стали как бы одной семьей,— говорит Татьяна Кирилловна Черняева, редактор и постоянная ведущая «АБВГДейки».— Вначале мы даже не предполагали, что это настолько нас увлечет!

А вот и наши герои: Ириска — единственная в стране женщина-клоун Ирина Асмус; любимец детской аудитории Клёпа — артист Виталий Довгаль, он же автор нескольких сценариев этой передачи; клоуны Валерий Лёвушкин и Юрий Шамшадинов.

...Ведущая занимает свое место на съемочной площадке. Операторы включают камеры. «АБВГДейка» продолжает свою хорошую, нужную не только детям, но и взрослым учебу и игру, которая одновременно является еще и искусством.

Андрей СОКОЛОВ

Фото Г. РОЗОВА

Букву «А» выучили! Теперь пойдем дальше.

«АБВГДейка» — и учеба и веселая игра.

Татьяна Кирилловна отвечает на письма юных телезрителей.

С куклой в руках заниматься, кажется, легче.

Так репетируется передача.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663